Василий Криптонов
Мила Бачурова

Князь Барятинский

Ближний круг

Мила Бачурова

Князь Барятинский. Ближний Круг

«Автор»

2023

Бачурова М.

Князь Барятинский. Ближний Круг / М. Бачурова — «Автор», 2023

Я – тот, кого в моем мире знал в лицо каждый.Легенда Сопротивления. Его душа и воля. Неукротимый, несокрушимый, неубиваемый Капитан Чейн.Новый мир слишком хрупок для такого, как я. Это мир, которым правит магия аристократов. На протяжении веков здесь соблюдался баланс между черными и белыми магами.Но однажды что-то пошло не так. И теперь для спасения мира балов и красавиц; мира, чтящего дуэльный кодекс и родовые клятвы, понадобился я...

© Бачурова М., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Семья 10
Глава 2. Большие надежды 16
Глава 3. Сестра 20
Глава 4. Магия и деньги 26
Глава 5. Планы 31
Глава 6. Фамильная реликвия 38
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Мила Бачурова, Василий Криптонов
Князь Барятинский. Ближний Круг

Пролог

– По законам Объединенных Концернов, во славу гуманизма их Главы, мы предоставляем тебе право сказать последнее слово.

– Горите в аду, предатели.

Разбитые во время допросов губы едва шевелились. Я собрал все силы для того, чтобы выпрямиться и посмотреть в лицо представителя Концернов.

Он отчётливо скрежетнул зубами, но промолчал. Стерпел, даже не ударил.

– По законам Объединенных Концернов, во славу гуманизма их Главы, ты имеешь право на предсмертную исповедь. Концерны готовы предоставить в твое распоряжение священника любой конфессии.

– Моя вера – в моей душе. Священников оставьте Главе. Будет подыхать – пригодятся.

И снова представитель сумел сдержаться. Не бросился на меня – хотя побелел, как бумага. Ну, ещё бы. В том мире, где он живёт, услышать такое о Главе Концернов, даже случайно – преступление.

Объявил:

– Ты отказался от обеих милостей, предложенных тебе Концернами. Остаётся поставить последнюю точку… Встать!

Конвоиры схватили меня за плечи и подняли.

– На выход!

Зазвенели кандалы на моих руках и ногах. Меня вывели из допросной.

Обычно волокли по коридору, идти после допросов самостоятельно я не мог. Сегодня меня не пытали и даже не били. А конвоиры вместо того, чтобы идти прямо, в мою камеру, свернули направо.

В этом коридоре я ещё не был. Вдоль него выстроились гвардейцы, одетые поверх формы в штурмовую защиту.

– Понимаешь, что это означает? – прошипел мне в спину представитель.

Что ж, намёк – прозрачней некуда. Меня ведут не в камеру. На расстрел.

Я переоценил Концерны. Думал, что после объявления приговора в запасе у меня будут ещё минимум сутки.

– Понимаю. Ваш Глава боится меня даже полуживого. Даже безоружного, скованного по рукам и ногам. – Я обвел взглядом гвардейцев. Проговорил: – Запомните этот день, парни! Я жил для того, чтобы освободить вас от гнёта Концернов. Я сражался за то, чтобы очистить мир от лжи и предательства! Глава, которому вы так верите – жалкий трус. Ничтожество, трясущееся за свою шкуру. Помните: меня нельзя убить! Я воспитал себе достойную смену.

– Заткните его! – рявкнул на конвоиров очнувшийся представитель.

На меня поспешно набросились с кляпом. Так и вели до конца коридора – который закончился бронированной дверью.

Представитель вынул из кармана рацию. Руки у него дрожали.

– Приём. Докладывает второй. Мы заткнули ему пасть, чтобы не морочил гвардейцам головы. Кляп вынимать, или так и вести?

– Никаких кляпов! – рявкнули в ответ. – Рехнулся? Казнь будут показывать в прямом эфире!

– То, что он говорит, показывать не стоит.

– Ничего, в эфир пойдёт только картинка. Без звука. Выводи.

– Есть.

Представитель приказал конвоирам открыть дверь. Я на мгновение зажмурился от яркого света.

Открыв глаза, увидел внутренний двор-колодец. Глухие стены с четырёх сторон и ослепительно голубое небо над ними. Ясное и чистое, без единого облачка. По нынешним временам редкость – такое небо. Как будто сама судьба решила показать мне его напоследок.

Во дворе выстроился ещё десяток гвардейцев.

– Вперёд, – меня подтолкнули в спину.

Я увидел зависший над двором дрон. И, не удержавшись, расхохотался.

Поднял голову к нему, проговорил:

– Я знал, что ты меня боишься… Глава. – Сплюнул под ноги. – Но не думал, что в своей трусости дойдёшь до показательного расстрела. Каждый человек в Концернах должен увидеть, как меня убивают, верно? Убедиться в том, что я мёртв? До чего же это смешно! – Мои слова раздавались в колодце двора громко и отчётливо, гулким эхом отражались от стен. – Разве твои холуи не говорили тебе, что я бессмертен – как бессмертна сама справедливость?! Что меня невозможно убить?!

– Заткнись! – рявкнул представитель.

Конвоиры потащили меня к дальней стене.

Представитель пытался руководить расстрельной командой, выстроить гвардейцев в ряд. Но все они слышали мои слова. Каждый из них знал, кто я такой. В Концернах не было ни одного человека, от малых детей до глубоких стариков, который не знал бы меня в лицо.

– На вас я не в обиде, парни, – обводя глазами мятущуюся толпу, проговорил я. – Вам ведь словом не обмолвились о том, кого придется расстреливать. Так?

Гвардейцы смотрели на меня. Со страхом. С изумлением. С восхищением.

Легенда Сопротивления. Его душа и воля. Неукротимый, несокрушимый, неубиваемый Капитан Чейн.

– Винтовки – на прицел! – взвизгнул представитель.

Гвардейцы подчинялись неохотно. Отворачивались, переглядывались.

– Я жил для того, чтобы освободить таких, как вы, – обращаясь к гвардейцам, продолжил я.

– На прицел!!! – рявкнул представитель.

Гвардейцы вразнобой подняли винтовки.

– Огонь!

Грохот выстрелов.

Стреляли не все, даже не половина из десятка. Кто-то палил в небо, парень, стоявший ближе всех ко мне, бросил винтовку и рухнул на колени. Одна пуля ударила меня в плечо, ещё одна – в голень. Нога подкосилась, но я сумел устоять.

– Я не стану в него стрелять! – закричал гвардеец, упавший на колени. – Не стану!

Представитель ударил парня каблуком в затылок, тот упал.

– Кого ты сюда привёл? – бросил представителю я. – Зелёных новобранцев? Других – побоялся? Глава опасается бунта?

– Заткнись! Огонь!

Снова выстрелы. Снова вразнобой, и гораздо жиже, чем были. Стреляют кто куда, винтовки бросили ещё двое гвардейцев.

Представитель заметался по двору. Заорал, брызгая слюной. Выхватил винтовку у того парня, который упал, грозя расстрелом теперь уже команде.

А у меня онемела нога, из плеча хлестала кровь. Артерия задета… Пора заканчивать этот балаган. Помощь прийти не успеет, это ясно. Скованным я много не навоюю – даже при той

панике, которая поднялась. А барахтаться в пыли, под ногами у Концернов – не по мне. Если уж умирать, я намерен умереть стоя.

– Смелее, парни, – подбодрил гвардейцев я. – Ты, – бросил ближайшему. – Выровнять ствол! Приклад – к плечу, крепче! Вот так. Прицел! А теперь – ого…

Представитель не позволил мне и дальше командовать собственным расстрелом. Достаточно было того, что уже ушло в прямой эфир.

– Огонь!!! – перекрикивая меня, завизжал он.

И в ту же секунду раздался взрыв. Такой силы, что я на какое-то время оглох и перестал слышать звуки – как те прилипшие к экранам зрители, что смотрели прямую трансляцию. Но, как и они, я видел стену, разлетевшуюся вдребезги.

Хаос. Выстрелы вспыхивают и тают, как окурки. Та сила, что ворвалась во внутренний двор тюрьмы, была слишком невероятно огромной для расстрельной команды, чьё предназначение – убийство одного безоружного. А сквозь стену для начала вломился бронетранспортёр.

У меня получилось. Несмотря ни на что. Показательный расстрел Капитана Чейна стал последней каплей. Против Концернов поднялись собственные войска.

– Капитан!

Первым с бронетранспортёра спрыгнул мой ближайший соратник. Одет, как и гвардейцы, в штурмовую защиту, единственное отличие – лента Сопротивления. Такая же лента привязана к прикладу автомата.

Два точных выстрела – мои конвоиры убиты. Ещё один выстрел – разбиты наручники.

– Капитан!

Из плеча хлещет кровь, но автомат, переданный бойцом – уже у меня в руках.

– Победа, парни! – крикнул я. Поднял автомат. Лента развевалась на нём, как знамя. – Ваш Капитан – с вами!

Мои бойцы отозвались дружным рёвом. А сам я выискивал глазами представителя Концернов.

В момент, когда нашёл его, было поздно. Представитель, в отличие от гвардейцев, не бросил винтовку. И не промахнулся.

***

Если бы меня спросили, где нахожусь, я не смог бы ответить.

Бесконечная тьма вокруг – и ярко освещённый квадрат внутреннего двора, на который я смотрел как будто сверху.

У расстрельной стены лежал мёртвый мужчина в окровавленной полевой форме.

Я.

Широко открытые глаза, один черный, другой голубой, смотрят в небо. Голова обрита по бокам, посредине – коса. Она начинается надо лбом и спускается ниже поясницы. Я дал зарок не стричь волосы до тех пор, пока не свергну власть Концернов, или не умру. Что ж, второе случилось раньше. Тридцать шесть лет – не так уж мало.

Вокруг тела медленно растекалась кровь. Представителя Концернов, изрешечённого пулями моих бойцов, швырнуло к стене.

Человек, который убил меня, умер у меня на глазах, но я уже не чувствовал ничего. Это казалось так глупо – чувствовать. Я сделал в жизни всё, что мог. И умер, сжимая в руках знамя победы.

– Иди за мной! – услышал я голос.

Здесь не было звуков, поэтому я не мог сказать даже, мужской это голос или женский. Я просто почувствовал, как кто-то сказал: «Иди за мной!» – и это послужило толчком.

Я отвернулся от своего остывающего тела, оставил прошлое – прошлому. Память осыпалась, как пожелтевшие листья с клёнов. Мне вдруг сделалось легко и свободно, а всё, что было, потеряло значение.

Какое-то время я двигался по собственной воле, и вдруг меня как будто захватил магнит. Во тьме, без начала и конца, я почувствовал, что меня тянет вниз. И я начал сопротивляться.

Вниз – это опять туда, где боль и кровь. Где тяжкий груз плоти. Что, неужели этот недоделок не сумел меня пристрелить? Неужели я сейчас опять встану? И хорошо, если встану. А если не сумею?! Если впереди – вечность в инвалидном кресле, с кислородной маской на лице?! Живой иконой Сопротивления – не способной самостоятельно справить нужду…

– Твоя борьба не окончена, – возник вновь тот голос. – Меняется лишь арена, но суть остаётся неизменной. Ты не был создан для покоя, мятущийся дух.

Если бы я мог – я бы скрипнул зубами. Он был прав, тысячу раз прав, этот бестелесный голос. Таких, как я, социум порождает, чтобы излечивать собственные недуги. Другого назначения у нас нет.

И я рванул туда, куда тянул меня неведомый магнит.

Что-то толкнулось в меня. Не сразу я понял, что это атака. Жалкая, смешная атака существа, которое даже издали никогда не видело настоящей битвы.

– Нет! – зазвенел другой голос, и в нём волнами перекатывался страх. – Не смей!

– Не смей говорить мне, чтобы я не смел, – ответил я. – Ты встал между мной и моим предназначением. Лучше бы тебе отойти.

К чести этого существа – оно не отошло. И следующим движением я растерзал его в клочья. Долго слышал удаляющийся вопль, он становился всё тоньше. Потом его заглушил тот, первый голос, который бормотал что-то – как будто читал заклинание. Бред какой, ведь заклинания бывают только в сказках.

Но сказка становилась былью, голос звучал всё отчётливей. Теперь я уже точно мог сказать, что он принадлежит немолодому мужчине. А значит, я слышал его ушами.

***

Как только эта мысль пришла ко мне в голову, я осознал, что у меня есть голова, да и всё тело. И я распахнул глаза.

Навык моментально схватывать максимум подробностей – это жизненно необходимый навык для людей вроде меня.

Затхлый воздух, влажный каменный потолок, потрескивающие свечи – я в подвале. Лежу на чём-то вроде каменного алтаря – холод камня обжигает вспотевшее тело. Кроме меня, тут всего один человек. Так и есть – пожилой мужчина с бледным перепуганным лицом, в странной одежде. Оружия нет, руки трясутся. Боится меня? Это хорошо, это нельзя терять.

Я рванулся, пытаясь встать, но не учёл широкого кожаного ремня, перекинутого через грудь. Он врезался в кожу, и воздух с громким криком вылетел из лёгких. Затылком я приложился о каменный алтарь.

– Костя, – пробормотал мужчина. – Костя, прошу, выслушай…

Он напрасно старался. Я понятия не имел, кто такой Костя.

Теперь я уже знал, к чему стремлюсь, и рванулся снова, на этот раз верно рассчитав приложение сил.

Ремень с треском порвался, я сел на алтаре. Схватился за другой ремень, удерживающий ноги.

И тут послышался стук. Кто-то колотил в, судя по звуку, обитую железом деревянную дверь – она находилась у меня за спиной. Да ещё и кричал женским голосом, только вот слов было не разобрать.

В тот миг, когда я разорвал второй ремень, за спиной как будто взорвалась ручная граната.

Я, вместо того чтобы кинуться на старика, скатился с алтаря на пол и уставился в дымящийся проём, из которого вылетела искорёженная дверь.

По ступенькам быстро сбежала, придерживая юбки, молодая женщина. За ней, как ни странно, не было роты солдат, так что складывалось впечатление, будто дверь вынесла она сама.

– Что тут происходит?! – закричала женщина, глядя то на меня, то на старика, которого я хоть и оставил сзади, но старался не выпускать из периферического зрения. – Что ты делаешь, дядя?!

– Ниночка… – дрожащим голосом сказал старик. – Я всё тебе объясню. Вам. Вам обоим… Костя…

Теперь не было никаких сомнений, что он обращается ко мне.

– Я не Костя, – сказал я. И поднялся на ноги.

– Прошу прощения… – пробормотал старик. – Ты… Вы не хотели бы прилечь?

Женщина, старик. Ни оружия, ни агрессии. Что за подвал? Что за фарс со мной происходит? И… кто я?!

Я посмотрел вниз. На мне были одни лишь трусы, и те – не мои. Белые, из тонкого полотна, с вышитой шёлком монограммой «КБ». Впрочем, тело тоже было явно не моё. Ни одного шрама. С рук и ног как будто убрали мышцы, и теперь руки дрожали после невероятного для них напряжения – разорванного кожаного ремня. А следом подкосились и ноги.

Я успел сделать шаг, не упал – но для этого пришлось привалиться к алтарю. Выдохнул:

– Возможно…

Мужчина и женщина приблизились ко мне, как к невзорвавшейся бомбе. И вдруг раздался третий голос, от той же двери:

– Ой, Нина Романовна, что это случилось с дверью? Хотите, чтобы я слесаря позвала?

– Иди к себе, Китти! – крикнула, не оборачиваясь, женщина. – Оставь нас, это – семейное дело!

– Слушаюсь! – пискнуло в ответ, и до меня донесся удаляющийся топот бегущих ног.

Две женщины, одна из которых может вынести капитальную дверь, не помяв платья. Старик, который называет меня Костей. И то существо, которое я уничтожил, прорываясь к этому телу.

Что-то начинало вставать на свои места…

Глава 1. Семья

Место, где я очутился, производило впечатление древнего особняка. «Древними» дома бывают в двух смыслах: в хорошем и плохом. В хорошем смысле – это богатые дома, в которые регулярно вливаются деньги. Они поражают роскошью и великолепием, не чуждо им и удобство.

В плохом смысле – это скрипящие, разваливающиеся на части лачуги, которые можно только снести и выстроить взамен что-то поприличнее.

Особняк, в который меня занесло непонятно каким ветром, находился где-то в середине пути от хорошего смысла к плохому. На высоких окнах ещё висели бархатные шторы с золотой бахромой, но бахрома и бархат уже помутнели, а стёкла покрылись пылью. Полы ещё не скрипели под ногами, но видно было, что их давно не натирали, и деревянные плитки зашоркались, разбухли от влаги.

Всё это я машинально отмечал, пока Нина Романовна вела меня в «мою» комнату, поддерживая под руку, чтобы не упал. Я не то чтобы был слаб, просто… «надел» это тело и ещё не успел с ним освоиться. От непривычных ощущений голова кружилась так, будто я хапнул чистого кислорода после пары месяцев в промышленном секторе.

К тому же не так-то просто принять, что вся твоя прошлая жизнь закончилась. Нет ни твоих достижений, ни побед, ни друзей, ни врагов, ни даже тела. Осталась лишь память – которая, наверное, вскоре тоже развеется, не найдя, на что опереться.

«Моя» комната оказалась такой огромной, что кровать стояла посередине. Как будто грузчики, устав, бросили её там, где остановились. Я понимал, что это, наверное, вариант нормы здесь, но внутри всё напряглось от чувства протеста.

Я не привык – так. Не привык быть открытым со всех сторон. Если я ложусь спать, за спиной у меня должна быть стена – надёжная, как боевой товарищ. Но это я решу после, когда лягу спать. Пока мне всего лишь необходимо отдохнуть.

Однако едва я присел на кровать, как до меня дошёл один неприятный факт. Я сидел перед дамой в одних трусах. Можно было бы, конечно, завернуться в одеяло, но я вдруг резко перестал чувствовать себя уставшим.

– Где… – начал было я.

– Это будет нелегко принять, – перебил меня старик. – Ты покинул свой мир и покинул его навеки. Сейчас ты находишься в иной вселенной.

Он замолчал, пытливо вглядываясь в меня, ожидая реакции на своё заявление. Я кивнул так же, как кивнул бы в ответ на какой-нибудь малозначительный доклад от адъютанта, и начал снова:

– Где моя одежда? Или мне придётся добыть её в бою? Как тут у вас заведено?

Кажется, ни старик, ни девушка не поняли, что я не шутил. Может быть, оно и к лучшему. Пусть пока не знают, что за чудовище призвали на свои головы.

– Пижама. – Нина Романовна, указав на стул рядом с кроватью, внезапно всхлипнула и, достав откуда-то платок, промокнула глаза. Что, у меня настолько грустная пижама?..

Я развернул белое подобие куртки с широкими рукавами, такие же широкие штаны. Ну, для начала – уже неплохо. Лучше, чем расхаживать голым, да к тому же – в женском обществе.

– Так кто вы такие и зачем мне нужны? – спросил я, натягивая пижамные штаны.

– Мы – твоя семья, – дрогнувшим голосом произнесла Нина Романовна. С непонятной надеждой посмотрела на меня.

А я мысленно повторил произнесенное ею слово.

Семья.

Это было… странно.

Своих родителей я не знал. Вырос в приюте, как многие мои ровесники, зачатые и рождённые по федеральной демографической программе. По достижении четырнадцати лет я должен был встать к производственному конвейеру или отправиться на сельскохозяйственные работы. Если бы мне повезло, к тридцати годам сумел бы накопить денег на первый взнос по ипотеке. Возможно, даже жениться… Но я никогда не ждал милостей от судьбы.

Я бежал из приюта, когда мне было десять. Год спустя присоединился к подпольщикам. В пятнадцать лет, после смерти командира, возглавил один из отрядов Сопротивления. А в двадцать два года получил прозвище Капитан Чейн.

– Что ж, рад познакомиться, – медленно произнес я. – Даже не знаю, как правильно по этикету в такой ситуации – представиться самому, или подождать, пока представитесь вы?

– Тебя зовут Костя, – с нажимом сказал старик. Несмотря на годы – крепкий, осанистый, с идеально прямой спиной. – Чем скорее ты привыкнешь к новому имени и забудешь старое, тем лучше.

– Я не намерен забывать старое имя, – отрезал я, завязывая штаны. – То, что я оказался здесь, не означает, что готов забыть своё прошлое.

Старик и женщина переглянулись. Кажется, я что-то сказал не так.

– На сей раз я оставлю твою дерзость без ответа, – медленно и веско проговорил старик. – Ты не знаешь, с кем разговариваешь, и не знаком с нашим семейным укладом. Но прошу запомнить: это – в первый и последний раз.

Это что – угроза? И… чем же ты мне грозишь, позволь поинтересоваться? Смертью? Домашним арестом? Или отберёшь пижаму?

Пока что я смолчал, но это – усмехнулся про себя, – в первый и последний раз. Посмотрим, что там дальше.

– Мое имя – Григорий Михайлович Барятинский. *Князь* Григорий Михайлович Барятинский, – уточнил старик. – Наш род – один из самых древних и уважаемых магических родов Российской Империи… Да-да, ты не ослышался. В нашем мире есть магия. – То, что в их мире существует Российская Империя (в моем растерзанная Концернами в клочья больше сотни лет назад), видимо, подразумевалось само собой. – Маги нашего рода всегда были сильны. На протяжении веков мы были надеждой и опорой Государя и Отечества. Служили ему верой и правдой. Твоя матушка скончалась, когда ты был маленьким. Тебя воспитывали мы. Твой отец, мой единственный сын – Александр Григорьевич Барятинский. Твоя двоюродная тетушка, дочь моего покойного брата, Нина Романовна Барятинская, – Григорий Михайлович повел рукой в сторону девушки, та тепло улыбнулась.

Лет тридцать. Красивая. Нежное лицо, большие голубые глаза, светлые волосы, уложенные в высокую прическу. Она была одета в длинное платье с кружевным воротником, подчеркивающее тонкую талию и высокую грудь.

– Счастлив познакомиться, уважаемая Нина Романовна, – сказал я, натянув через голову пижамную рубаху, и встал. – Прошу простить, что впервые явился пред ваши очи в столь неподобающем виде.

– Право, это так странно, – пробормотала она, приблизившись.

Подала мне руку. Я коснулся её губами. На щеках тетушки появился румянец.

– Ты… удивительно повзрослел. – Она отвела глаза.

Забавно. Как по мне – так я помолодел… Впрочем, всё относительно.

– Полгода назад, – продолжил Григорий Михайлович, – твой отец погиб на дуэли. Ты – его единственный сын. После смерти твоей матушки Александр так и не женился. Таким образом, других наследников мужского пола, кроме тебя, в нашем роду не осталось. А три дня назад ты, шестнадцатилетний болван, – он повысил голос, – для того, чтобы доказать свою удаль скопищу других таких же недоумков, прыгнул с моста в реку. Вместо того, чтобы днями и ночами корпеть над учебниками перед экзаменами в Императорскую академию. Вместо того,

чтобы тренировать и укреплять своё тело и магическую силу – так, как это следует делать аристократу! Ты… Ладно. – Григорий Михайлович махнул рукой. – Пустое… Ты, вероятно, рассчитывал на то, что во время прыжка тебя защитит родовая магия. Но что-то пошло не так. И от удара о воду ты сломал себе шею.

– Дядюшка! – Нина побледнела, схватила его за руку. – Мальчик и так переутомился. Быть может, продолжим позже?

– Я прекрасно себя чувствую, уверяю вас. – Я демонстративно покрутил головой. Посмотрел на Григория Михайловича. – Итак, я сломал себе шею. И что же было дальше?

Заметил, что в глазах старика мелькнуло уважение.

– Наши родовые целители сделали всё, что могли, – жёстко сказал он. – Они срастили твои шейные позвонки. Восстановили кости – но не мозг. Не разум! Время, увы, было утеряно. И продолжить своё существование ты смог бы лишь безвольным растением, без желаний и чувств, до конца своих дней оставаясь прикованным к постели. Я не мог позволить нашему роду столь бесславно прерваться. Я… В общем, у меня есть нужные связи. – Григорий Михайлович посмотрел на племянницу. – Хотя Нина была категорически против этого ритуала. Скажем прямо, не вполне законного.

Нина всплеснула руками:

– Незаконность – последнее, что меня беспокоило, дядюшка! Я опасалась за исход. Ты говорил, что это очень рискованно. Что вероятность удачи ничтожно мала!

– Я обязан был предупредить о риске и возможных последствиях.

– А в итоге сделал так, как решил, – упрекнула Нина. – Невзирая на то, что я была против.

– Да, – кивнул старик. – Я принял это тяжёлое решение сам. Если бы ты не вынес призыва и умер, – теперь он снова обращался ко мне, – это была бы целиком и полностью моя вина.

– Но я вынес, – подвёл итог я. Продолжая изучать комнату, подошёл к небольшому столику, на котором обнаружился… флакончик с духами. – Не умер. Точнее, умер – но не здесь. Здесь я жив и здоров. Мой разум – при мне, а тело принадлежит шестнадцатилетнему оболтусу, не нашедшему для себя других развлечений, кроме прыжков вниз головой с моста. Всё ли я верно понял?

Я покрутил флакончик, недоумевая. Отвернул его от себя, нажал, принюхался – точно, духи. Не такой уж нежный аромат, так что, наверное, не женские. И всё же – духи…

– Да. Всё так, – подтвердил Григорий Михайлович.

– А могу узнать, почему я? Вы назвали это призывом. Отчего призвали именно меня?

Рядом со столиком я увидел корзину, в которой лежали несколько скомканных бумажных листов. Бросил духи туда же и потерял к ним интерес. Начал перебирать бумаги, лежащие на письменном столе.

– Потому что твой мир – это загубленный наш, – сказал старик. – Один из возможных вариантов развития нашего. Во Вселенной существует немало миров. – Он повёл рукой, и красивое панно, висящее на стене, превратилось в экран. Я отвлёкся от исчерканных каракулями бумаг и всмотрелся в демонстрацию.

Темнота. Искры, несущиеся в бешеном калейдоскопе…

– В этих мирах по-разному течёт время. К примеру, твоё опережает наше на добрых пять сотен лет. В твоём мире истребили магию. Истребили саму память о ней, магия осталась лишь в детских сказках. Но основа основ, древние роды, положившие начало всему, неизменны в каждом из миров. Наш мир – колыбель всего сущего. А наш род – один из самых могущественных среди белых магов. В твоих жилах течёт кровь рода Барятинских. И это не подлежит сомнению.

– Вы каким-то образом провели генетическую экспертизу? – уточнил я.

Григорий Михайлович улыбнулся. Опустил руку, и панно вновь превратилось в панно. А я уселся за стол. Взял лист бумаги, карандаш.

– Ниночка, – сказал Григорий Михайлович, – будь любезна, прикажи принести зеркало.

В руках у Нины неизвестно откуда появился хрустальный колокольчик. На звонок прибежала девушка – румяная и улыбчивая, в белоснежном переднике, с кокетливой заколкой на волосах.

– Подай зеркало, Китти, – попросила Нина.

Девушка присела – не забыв при этом колыхнуть пышным бюстом и стрельнуть в меня любопытными глазами, – и убежала. А я нашёл среди каракулей более-менее понятную фразу – «согласно пѣрвому закону сохранѣнія магической энѣргіи…» – и попытался повторить её ниже.

Писал бегло, не стараясь. Почерк был однозначно не Капитана Чейна. Костя писал, едва касаясь бумаги карандашом, я же вдавливал грифель так, что он немного крошился. То, что написал я, читалось гораздо лучше. Это был, несомненно, почерк Кости, однако… как будто Костя повзрослел лет на двадцать, и за эти двадцать лет прошёл сквозь ад столько раз, что сбился со счёта.

Вернулась Китти, принесла овальное зеркальце на длинной ручке. Забрав его, Нина подошла ко мне.

– Посмотри на себя, – дождавшись, пока выйдет горничная, сказал Григорий Михайлович.

Нина подала мне зеркало. Я взял его и поднёс к лицу.

Из зеркала на меня взглянул незнакомый подросток. Один его глаз был чёрным, другой – голубым.

– Это наша фамильная черта, – сказал Григорий Михайлович. – У всех мужчин нашего рода такие глаза. – Он снял очки и наклонился ко мне. – Видишь?

– Да, – медленно проговорил я. – Теперь вижу.

Григорий Михайлович кивнул:

– Мы – белые маги, Константин. Рекомендую привыкать к новому имени… Перед нами расступается тьма. В своём мире ты прекрасно видел в темноте. Так?

– Так.

– Врачи, возможно, говорили тебе, что эта особенность – некое генетическое отклонение…

Я усмехнулся. Кажется, он весьма смутно представляет себе мир, в котором я жил, и образ жизни, который вёл.

– Не припомню случая, когда бы я встречался с врачами. Мои раны штопал фельдшер. У меня не было повода с ним откровенничать.

– Твоё зрение – память твоего рода, – сказал Григорий Михайлович. – Твоей крови. В твоём мире истребили магию – но не тех, кто когда-то ею владел… Встань.

– Дядюшка, – укоризненно произнесла Нина. – Это немилосердно! Костя едва успел прийти в себя. Мальчику необходимо отдохнуть. Я распоряжусь, чтобы…

– Костя – не ребёнок, Нина! – отрезал Григорий Михайлович. Я вдруг понял, что подобный разговор они ведут уже не в первый раз. – Ему шестнадцать. Я в этом возрасте уже участвовал в военной кампании! Ты сама, будучи лишь немногим старше него, после смерти Анны взвалила на себя все материнские заботы… Я говорил. Я предупреждал и тебя, и Александра, что чрезмерная опека, которой вы окружаете Костю, добром не закончится! Хотя, бесспорно, к стыду своему, сам участия в его воспитании почти не принимал.

– Ты был занят.

– Тем не менее! Для единственного внука мог бы найти время… Ладно, что теперь говорить. Теперь уже имеем то, что имеем.

Я понял, что обсуждать недочёты моего воспитания они могут ещё долго. Отодвинул исписанный лист и резко встал со стула. Наверное – слишком резко.

Нина охнула:

– Осторожнее! – бросилась ко мне, попыталась придержать под руку.

Я – мягко, как смог – отстранился. Пообещал Нине:

– Падать без чувств не собираюсь. Не беспокойтесь. – Вышел из-за стола и встал в привычную спаррингову стойку.

Тело было… лёгким – вот, пожалуй, правильное слово. Я будто разом сбросил двадцать килограммов веса. Исчезла боль от старых ран, в последние годы ставшая моей постоянной спутницей. Обострилось зрение. Безымянный палец и мизинец на левой руке сгибались так, как им положено – за годы, прошедшие с тех пор, как были повреждены сухожилия, я успел отвыкнуть от этого.

Я покрутил туловищем. Подпрыгнул. Несколько раз присел и встал.

Выпад вперед, рывок назад. Выпад влево, выпад вправо. Удары ногами с разворота. Перекат. Несколько быстрых отжиманий от пола. Планка…

– Костя! Довольно. – Григорий Михайлович встал рядом со мной. – Я вижу, что ты… э-э-э… в прекрасной форме.

– Сомневаюсь. – Я поднялся, отряхнул руки. – Через месяц буду в неплохой форме – возможно. А в прекрасной – затрудняюсь сказать, как скоро. Но собираюсь приложить к этому все усилия.

– Костя… – Нина смотрела на меня, широко распахнув и без того огромные глаза. Всплеснула руками. – Господи! Ты ничего себе не повредил?

Она смотрела на меня с такой тревогой, что я невольно улыбнулся.

– Нет. Но ежедневный комплекс упражнений лишним не будет. Мышцам не мешало бы стать крепче. – Повернулся к Григорию Михайловичу. – Вы попросили меня встать.

– Да-да, – растерянно кивнул он. – Хотел убедиться в том, что ты владеешь своим телом. Признаюсь – результат превзошёл мои самые смелые ожидания! Ну-ка, а вот так? – Он вдруг поднял руку, повернул её ладонью ко мне.

В ладони появилось нечто, более всего напоминающее шаровую молнию. Я действовал на рефлексах.

Уход в сторону – с линии огня. Обманный бросок вперед. Удар – кулаком по ладони, держащей молнию. В следующую секунду я взял Григория Михайловича в локтевой захват.

– Костя, прекрати! Ты с ума сошёл?! – рядом с нами оказалась Нина.

Тоже вскинула ладонь, та засветилась – я понял, что сейчас вспыхнет ещё одна молния.

– Всё в порядке, – прохрипел Григорий Михайлович, – успокойтесь, оба! Константин, отпусти меня.

Я, помедлив, разжал захват.

– Костя! Что ты творишь?! Как тебе не стыдно?! – Нина опустила руку. Она, кажется, едва сдерживалась, чтобы не расплакаться.

– Это моя вина, – потирая шею, проговорил Григорий Михайлович. – Не подумал, что Костя может воспринять мои действия, как агрессию.

– Я не привык воспринимать оружие, нацеленное на меня, по-другому, – буркнул я. – Не станете же вы утверждать, что шар, который держали в ладони – всего лишь местный аналог утюга? И вы намеревались погладить мне рубашку?

Григорий Михайлович улыбнулся.

– Ты, вероятно, удивишься, но… Пообещай, что больше не станешь на меня бросаться.

– Я не даю опрометчивых обещаний.

– Что ж, в таком случае, пообещаю я.

Григорий Михайлович подошёл ко мне. Прижал правую ладонь к сердцу и, глядя мне в глаза, серьёзно проговорил:

– Клянусь, что не намерен причинять тебе вред. Клянусь, что любые мои действия, сколь бы странными они тебе ни казались, нацелены прежде всего на то, чтобы помочь тебе адаптироваться. Властью, принадлежащей мне, как старшему рода, клянусь, что каждый из Барятинских будет предан тебе – отныне и до последнего вздоха. Слово дворянина.

Ладонь старика окружило сияние. Вспыхнуло – и погасло.

– Это наша родовая клятва, – сказал Григорий Михайлович. – Теперь ты мне веришь?

Верю ли я человеку, которого впервые увидел полчаса назад?

«Не вздумай!» – вопили в один голос мой опыт и разум. Но я никогда не стал бы тем, кем стал, если бы руководствовался одним только разумом.

Я обладал тем, что в моём мире называли интуицией. Шестым чувством. И это чувство всегда меня выручало. Помогало безошибочно распознавать опасность. Отличать друзей от предателей. Благодаря этому чувству я избежал стольких ловушек, что давно сбился со счета. И славу бессмертного, человека, которого невозможно убить, получил также благодаря ему.

Сейчас, когда старик произнёс родовую клятву, вдруг пришло понимание, откуда появилось это чувство. *Что* на самом деле хранило и оберегало меня все эти годы.

Семья. Род. Кровь, текущая в моих жилах…

Я не знал своих родителей. С самого детства жил, полагаясь лишь на себя. В моей жизни были друзья. Соратники. Женщины… Но никогда прежде я не испытывал ничего подобного.

Свечение, окутавшее ладонь Григория Михайловича, как будто передалось и мне. Я не просто верил старику. Я *знал*, что род Барятинских никогда меня не предаст. Потому что я – часть этой семьи. Этого могучего рода.

– Верю, – сказал я.

Протянул старику руку. Он крепко её пожал. Подошла Нина, положила сверху свою ладошку. Улыбнулась.

– Теперь почти вся семья в сборе.

– Почти? – спросил я.

– У тебя есть сестра-близнец, – сказал Григорий Михайлович. – Её зовут Надежда. Пока мы, по понятным причинам, не рассказывали Наде, что произошло.

– Я уверена, что рассказывать и не нужно, – вмешалась Нина. – Надя ещё слишком юна для того, чтобы быть осведомлённой о подобных вещах. Твой поступок, дядюшка, может её шокировать. Внешне-то Костя совершенно не изменился!

Григорий Михайлович покачал головой:

– Боюсь, что при нынешней расстановке сил о таких словах, как «слишком юный» нашему роду придется забыть. Борьба предстоит тяжёлая и очень опасная. – Он повернулся ко мне. – Ты, как я успел убедиться, чувствуешь себя и впрямь неплохо. Сколько времени тебе понадобится на то, чтобы одеться?

– С того момента, как получу одежду – сорок пять секунд.

– Да ты, оказывается, остряк, внучек, – засмеялся Григорий Михайлович.

– Я не шучу… – Я застопорился, не зная, как его назвать.

– Дед, – подсказал Григорий Михайлович.

Я кивнул:

– … дед.

– Через полчаса жду у себя в кабинете. Нам предстоит обсудить немало.

Глава 2. Большие надежды

Одежду мне подала Китти – притащила откуда-то из соседней комнаты. Осведомилась, не нужна ли помощь, а получив категорическое «нет», удивилась и, кажется, расстроилась. Но спорить не посмела, вышла.

Я надел светлую рубашку с открытым воротом и широкими рукавами. Такие же светлые брюки. Ремня не было. Головного убора тоже. А обуться мне предлагалось в войлочные туфли на мягкой подошве, богато украшенные вышивкой.

В такой одежде я чувствовал себя крайне неуютно.

Броский – незаметен будет разве что на снегу, – непрактичный цвет. Комок грязи или капля крови – и этот, с позволения сказать, костюм будет безнадёжно испорчен. Дурацкие широкие рукава. Вместо обуви вовсе какое-то недоразумение – будем надеяться, что это домашний вариант, и для выхода предполагается что-то другое. Хотя, будь у меня выбор, я предпочёл бы чему угодно привычную полевую форму. А вдобавок ещё и волосы! Я взъерошил шевелюру. Густые, темные, они доставали мне до плеч.

Я взглянул на напольные часы, стоящие в углу – массивную башню из светлого дерева. По циферблату, размером с хорошее блюдо, неспешно двигались золотые стрелки. С того момента, как Китти принесла одежду, прошло едва ли пять минут. А значит, время у меня ещё есть.

Я направился в санузел. Осмотрел полку, обильно уставленную самыми разнообразными средствами для ухода за лицом, телом и чёрт знает, чем ещё. И быстро обнаружил то, что искал – бритвенный станок. Выглядел он, как новый – вряд ли Косте, в его шестнадцать лет, часто приходилось бриться.

Это хорошо. Значит, лезвия должны быть острыми…

***

– Боже, Костя! Что ты с собой сотворил?!

Дед, стоявший возле внушительных размеров лакированного овального стола, казалось, был готов свалиться с инфарктом. Нина, застывшая у другого края стола, ни в чём ему не уступала. Я даже и не думал, что можно так легко шокировать аристократов.

– Всего лишь привёл себя в порядок, – развёл я руками и прошёл к ближайшему креслу.

Я обрил голову с двух сторон, посредине заплёл косу. Теперь хоть что-то в зеркале напоминало мне о себе самом.

– Это немыслимо – представителю древнего рода ходить в таком виде! – Дед побагровел от негодования.

– Полагаю, что совершу здесь ещё немало немыслимых поступков.

Я уселся в кресло.

Мой взгляд встретился с негодующим взглядом деда. Я знал, что среди подпольщиков ходят легенды о знаменитом «тяжёлом» взгляде Капитана Чейна. Выдержать его могли немногие. Но дед, похоже, не собирался мне уступать. Один глаз – чёрный, другой – голубой. И взгляд – такой же тяжёлый. Глядя в морщинистое лицо старика, я будто смотрел в странное, но правдивое зеркало – показывающее, как буду выглядеть через несколько десятков лет я сам. Если доживу, конечно.

– Не волнуйся, дядюшка, – поспешно вмешалась в наше противостояние Нина. – В моём магическом арсенале есть средства, которые позволят вернуть Костиному облику прежний вид.

– Мой облик никогда не будет прежним, – покачал головой я. – Как бы вам этого ни хотелось. Я буду выглядеть так, как считаю нужным. Вы собирались обсудить что-то важное, верно? Предлагаю не терять время.

Григорий Михайлович сел… нет, практически упал на стол, обхватив голову руками. Вздохнул, ни к кому не обращаясь:

– Вот теперь я начинаю думать, что всё это было глупой затеей.

– Только теперь? – не удержалась от подколки Нина.

Мне это представление начало надоедать. Я нахмурился:

– «Мятущийся дух» – ты ведь так меня назвал, верно? Призывая, ты сказал, что моя борьба не окончена. И вот я здесь – а ты устраиваешь сцену из-за причёски? Я что, должен был работать моделью?

– Ты должен был представлять род Барятинских при императорском дворе! – рявкнул дед. И, опустив руки, уставился на меня.

Я моргнул от неожиданности.

– Прошу прощения… Что?

Какой ещё двор, какое «представлять»? Революционер – при дворе?! Мятежнику, жизнь положившему на то, чтобы свергнуть власть Концернов – плясать перед императором? Они тут что, совсем с горя умом тронулись? Нашли, чей дух призывать.

Григорий Михайлович сделал над собой усилие. Он слез со стола, обошёл его – походка сделалась старческой, шаркающей, и я ощутил смутный укол вины, – и остановился по ту сторону. Подняв голову, посмотрел на портрет на стене.

Я слышал, что всякого рода чиновники и начальники сколько-нибудь серьёзных предприятий раньше вешали на стены в кабинетах портреты президентов. Однако в моём мире эта эпоха давно прошла. Президенты мало где остались, а там, где остались – выполняли марионеточные функции. Миром правили Концерны. Концернами – совет директоров, над которым возвышался Глава. Он не требовал, чтобы его портреты висели в кабинетах. Всё, что интересовало Главу – прибыльность предприятий.

На портрете в кабинете Григория Михайловича был изображен немолодой мужчина с усами и пронзительным взглядом. Белый мундир, ордена, золотые эполеты, голубая лента через плечо. В руках мужчина держал золотой жезл с двуглавым орлом на вершине.

– Это – ваш президент? – попытался угадать я.

Григорий Михайлович опустил голову и тихо засмеялся. Кажется, у него начиналась истерика.

– Это – Божию Милостию Император Всероссийский Александр Четвёртый Романов, – сказала Нина. Негромко, но с таким возмущением, как будто я спутал ружьё с винтовкой.

– Ясно, – кивнул я. – Александр Четвёртый, Император. Значит, он – главный.

– Не всё так просто… – Нина покосилась на деда, но тот всё ещё был не в себе, и она продолжила сама: – Государь – сильнейший маг Империи, но он не правит единолично. Есть ближний круг дворян… Есть…

– Есть белые и чёрные маги! – сказал дед. Он резко обернулся. – Испокон веков тех и других в ближнем кругу было поровну, и наше отечество процветало! Но в последние столетия белых магов становится всё меньше, они слабеют. Тогда как чёрные, наоборот, входят в силу. Сейчас их в ближнем кругу – одиннадцать, против восьми белых. Это – большинство голосов по всем вопросам! И Государь вынужден принимать во внимание их мнение. Если так пойдёт дальше, вскоре наш мир превратится в твой. В ослеплённую жаждой личной наживы собаку, самозабвенно кусающую себя за хвост! Хорошо хоть, я до этого не доживу.

– Дядюшка, перестань так говорить, – подбежала к нему Нина.

– Как говорить? – с горечью воскликнул дед. – Или ты хочешь, чтобы я увидел это воочию? Да глаза мои вытекут, узрев, как падёт многовековая монаршая, отеческая власть! Как политическую силу обретут торгаши и управленцы! Как слово «честь» исчезнет, уступив место слову «выгода»…

– А могу я узнать, при чём тут моя причёска? – решился я вставить вопрос.

Дед подавился словами. Отстранил пытавшуюся утешить его Нину и уставился на меня:

– При чём тут?.. Что ж, изволь, я объясню. Видишь ли, Костя… Нет, давай так. Видите ли, Капитан Чейн! Вашего настоящего имени не знаю, уж простите…

– Вам оно и ни к чему, – буркнул я. – Настоящего имени у меня, по сути, никогда не было. Имя ведь означает принадлежность к какой-то фамилии. Роду, если говорить вашим языком. В моём случае об этом речь не идёт. Имя мне присвоили согласно федеральному реестру. С тем же успехом могли просто выдать номер – лет через двадцать после моего рождения, кстати, именно так и начали поступать. Поддельных имён я сменил столько, что давно сбился со счёта. Так что мой единственно верный идентификатор – Капитан Чейн.

– Боже мой. Какой ужас, – пробормотала Нина. – Присваивать людям номера?.. Как скотине в фермерских хозяйствах?!..

Дед бросил на неё недовольный взгляд. Мне кивнул:

– Рад, что мы прояснили этот вопрос, Капитан. Так вот. Мой внук, Костя, обладал крайне слабым духом. Проблема в этом – а вовсе не в том, что иссякает магический дар. Даром управляет дух! А каждое новое поколение белых магов духом слабее предыдущего. Когда с Костей случилось то, что случилось, я усмотрел в этом возможность…

Нина осуждающе покачала головой, но ничего не сказала. Дед её движения не заметил, он взглядом буквально вцепился в меня.

– … возможность хотя бы отчасти восстановить баланс. Я призвал дух невероятной мощи. Дух, который всю жизнь боролся против той же силы, которой противопоставлен сейчас наш род. Я надеялся, что ваш дух, Капитан Чейн, сумеет пробудить магию, дремлющую в теле Кости. И тогда наш род сумел бы представить вас ко двору на грядущей церемонии. Там вы сошлись бы в битве с отпрыском одного из родов чёрных магов – я полагаю, в этом году будет выставлен Жорж Юсупов, – и, учитывая ваш опыт, победили бы его.

– И, таким образом, я бы вошёл в ближний круг? – уточнил я.

Вот так вот запросто взять и оказаться в одном шаге от трона императора?..

Дед расхохотался:

– Ты?! Пресвятые угодники, конечно же нет! Ты несовершеннолетний, это не можешь быть ты. Не ты сам – но наш род, род Барятинских, снова получил бы право поставить своего представителя в ближний круг. *Я* бы занял место, которое ещё полгода назад занимал твой отец! – Дед ударил себя в грудь. И спохватился: – Только, Боже упаси, не подумай, что я беспокоюсь о личной выгоде. Хотя, надо признать, содержание, которое даёт Государь представителям ближнего круга, весьма щедрое. Мы могли бы открыть активы, доступ к которым, в связи со смертью твоего отца, закрыт… О, мы могли бы получить многое. Но речь сейчас не об этом. Речь, прежде всего, о том, чтобы не допустить превращения нашего мира в клоаку – подобную той, из которой явился ты!

У меня дёрнулась рука. Я бы не назвал себя патриотом своего мира. Всё, что говорил этот разъярённый старик, было правдой. И всё-таки сдержаться было трудно.

– А теперь – как я могу представить ко двору такое чучело?! – рявкнул дед.

Его, похоже, перекрыло полностью. Стены кабинета заходили ходуном.

Со стены сорвалась и упала на пол картина, изображающая морской берег, под потолком зазвенели хрустальные подвески люстры. Оконное стекло лопнуло, на столе вдруг налился белым светом и начал вращаться с бешеной скоростью каменный шар – издали я принял его за глобус, потом разглядел, что поверхность шара гладкая, без рисунка. Со стола взлетела тяжёлая пепельница. В полёте её охватило пламя, пепельница промелькнула, как комета, и буквально взорвалась. По полу разлетелись горячие осколки.

– Дядюшка, твоя жемчужина опять потемнеет, – грустно глядя на осколки, произнесла Нина что-то совершенно мне непонятное; она смотрела на разъярённого старика без страха – скорее, с тревогой. – Тебе нельзя так волноваться! Доктор уже не раз это говорил.

Нина встала, повела рукой. Хрустальный звон подвесок прекратился – будто выключили. Шар на столе перестал вращаться. Осколки оконного стекла собрались воедино и заняли своё место в раме.

Нина повернулся к разбитой пепельнице, но дед досадливо махнул рукой:

– Оставь. Мне эта вещица никогда не нравилась. – Он уже, видимо, выпустив пар, немного успокоился. – А жемчужина – да плевал я на неё! Чёрным больше, чёрным меньше… Какая теперь разница? Я создал голема, который мне не подвластен. – Дед с горечью кивнул на меня. – Российской Империи конец. Какое счастье, что ещё раньше наш род полностью разорится! Что мы окажемся на улице и подохнем от голода, как собаки.

– Есть ещё Надя, – напомнила Нина.

– Надя не многим лучше Кости, – покачал головой дед. – Её даже до церемонии не допустят.

Я пока не понимал, как мне себя вести. Как не смог бы сказать, что меня впечатлило больше: действия разгневанного главы рода – а я отчего-то не сомневался, что деду под силу сровнять с землей не только собственный особняк, но и пару зданий в его окрестности, – или действия Нины, которая так же легко устранила последствия этих действий.

Спустя несколько секунд тишины у меня за спиной отворилась дверь. Я повернул голову, увидел Китти с веником и совком. Она вопросительно взглянула на хозяина кабинета.

– Убирайся, – процедил сквозь зубы дед.

– Сию секунду-с…

Китти скользнула внутрь и принялась заметать осколки на совок. При этом она низко наклонилась, явив мне превосходный вид на свою грудь. Едва ли это произошло нарочно, но я судорожно сглотнул. Всё-таки, дух духом, а тело шестнадцатилетнего пацана – это тело шестнадцатилетнего пацана.

– Убирайся *отсюда*! – рявкнул дед.

Китти как ветром сдуло, мне показалось, что она вообще прошла сквозь дверь.

– И это – единственная служанка, которую мы можем себе позволить! – Дед воздел руки к потолку, будто призывая высшие силы в свидетели невероятного падения.

– Вопрос. – Я с усилием перенаправил ход мыслей от соблазнительного тела Китти к серьёзным вещам. – При императорском дворе существует какой-то дресс-код, или как его у вас называют?.. В общем, есть какие-то требования к внешности?

Григорий Михайлович посмотрел на меня так, будто впервые увидел. А вот у Нины как будто в голове что-то щёлкнуло.

– Только касаемо одежды, – сказала она. – Но всё равно это будет скандал.

– Не просто скандал! – подхватил дед. – Нам будут перемывать кости на каждом углу!

– И этот скандал как-то помешает тебе присутствовать в ближнем кругу? – Я буквально подавил взглядом деда, тот опустил глаза и что-то неразборчиво пробурчал.

– Дальше. – Я поёрзал в кресле. Не привык так долго сидеть на такой мягкой мебели. – Как я понимаю, битва будет магической. Мне нужно, наверное, этому как-то подучиться? Не подумайте дурного, я, полагаю, могу прикончить голыми руками любого мага, пока он будет творить… вот это всё. То, что ты сейчас продемонстрировал. Но, боюсь, такой подход к решению вопроса впечатлит Императора и ближний круг даже сильнее моей причёски.

Судя по лицу деда, в нём забрезжил робкий огонёк надежды. Хотя с моим внешним видом его это вряд ли примирило.

– Ты приступишь к занятиям с завтрашнего дня, – сухо сказал он. – Ещё вопросы?

– Только один. Почему я должен приступать к занятиям с завтрашнего дня, если не закончился сегодняшний?

Глава 3. Сестра

Приступить к занятиям боевой магией немедленно не удалось. Дед сказал, что учитель, тренирующий представителей рода Барятинских в течение последних пятидесяти лет, сейчас не в их поместье. Если я правильно понял, на время проведения ритуала дед вообще постарался максимально удалить из поместья свидетелей. Даже мою сестру-близнеца отправил погостить к подруге. Впрочем, учителю он уже «телефонировал», и тот прибудет довольно скоро. Мне же было предложено пока прогуляться и осмотреться.

– Нина тебя проводит, – закончил дед. – У меня очень много дел.

Последнему замечанию я не удивился. Догадывался, что дел у главы рода, да ещё и человека, имеющего непосредственное отношение к верховной власти, должно быть немало.

– Идем, Костя, – позвала Нина. – Или, быть может, ты желаешь отдохнуть?

– Не желаю. Идём.

Дед милостиво кивнул нам и углубился в лежащие на столе бумаги. Я вышел из кабинета вслед за Ниной, погруженный в свои мысли.

Магия. Мне предстояло научиться магии.

Способность чему-либо удивляться я уже давно в себе похоронил. Смотрю, что происходит, и делаю выводы – вот и всё. И если происходит переселение душ, то почему не быть и магии?

Для меня, полагаю, магия станет ещё одним оружием, которым я овладею. Возможно, не самым эффективным… Хотя нельзя же судить по одному пожилому Григорию Михайловичу. Который сам отчего-то не спешит выступать на церемонии в качестве бойца – несмотря на те умения, которые сгоряча продемонстрировал. Я не знаю уровня магов, которым мне предстоит противостоять. Но, в конце концов, даже если прочие Барятинские владеют магией плохо – это вовсе не значит, что я не смогу владеть ею хорошо.

– Это наша загородная усадьба, – говорила Нина, спускаясь по лестнице. – Есть ещё особняк в Петербурге, и раньше мы перебирались сюда только на лето. Но в последнее время так… сложились обстоятельства, что мы постоянно живём здесь.

Я молча кивнул. Нина явно что-то не договаривала, но с расспросами я решил пока не лезть.

– В левом крыле дома – дядюшкин кабинет и приёмная, ваша с Надей классная комната. Моя приёмная… Я – целитель, – улыбнулась на мой вопросительный взгляд Нина. – Врачи уездной больницы, если сталкиваются с тяжёлыми случаями, присылают ко мне пациентов за консультацией. А иногда я сама посещаю больницу.

– То есть… Вы врач? – не понял я.

– Говори мне «ты», – улыбнулась Нина. – Нет, не врач, хотя у меня есть медицинское образование. Целитель – это несколько иное. Мои возможности идут в ход тогда, когда врачи бессильны что-либо сделать. В правом крыле дома – столовая, гостиная, библиотека. На втором этаже – спальни и гардеробные, комнаты прислуги.

Целитель… Тоже, надо полагать, магия – сродни той способности восстанавливать сломанные вещи, что я недавно видел. И эта магия идёт в ход, когда врачи не справляются… Я вспомнил лица друзей и просто хороших товарищей, которых не сумел вытащить наш фельдшер, делавший в три раза больше, чем мог. Представил, как Нина простирает руку над раненным осколками бойцом, что-то шепчет, и рана сама по себе затягивается.

Как вообще можно, обладая такими способностями, вести речь о том, что род стоит на грани разорения? Этакий целитель в моём мире был бы на вес золота.

Мы с Ниной, проследовав через просторный холл, подошли к тяжёлым входным дверям из тёмного дерева.

– Швейцара у нас сейчас нет, – остановившись, извиняющимся тоном проговорила Нина.

– Даже не знаю, как я это переживу, – серьёзно сказал я. Распахнул перед Ниной дверь. – Прошу.

– Благодарю.

Мы вышли на широкое крыльцо. У его подножия стояли каменные вазоны, в которых буйно цвели какие-то растения.

– Красивые цветы, – заметил я.

– Ими занимается Надя, – сказала Нина. – Садовник… посещает нас не очень часто. А Надя любит возиться с цветами.

Я подал Нине руку. Мы спустились с крыльца.

– Ты очень повзрослел, Костя, – проговорила она. Смущённо засмеялась. – Боже, что я несу! Ты ведь и так взрослый, верно? Просто мне пока трудно это осознать. Но именно сейчас в тебе появилось то, что я так хотела видеть, когда воспитывала тебя.

– Что именно?

Нина развела руками.

– Пока не могу понять. Возможно, позже… Идём.

Мы двинулись вперёд по широкой аллее.

– Усадьба довольно большая, – снова заговорила Нина. – Аллея заканчивается въездными воротами, рядом с воротами гараж. Автомобили мы оставляем там. С той стороны – сад и оранжереи, – она показала рукой, – с этой – купальни, игровая и тренировочная площадки, пикниковая зона. К сожалению, сейчас… – Она не договорила.

Я поднял руку, призывая девушку замолчать. Показалось, что неподалеку кто-то ведёт разговор на повышенных тонах.

Нина тоже прислушалась и ахнула. Пробормотала:

– Надя вернулась, – и поспешила к воротам, бросив шёпотом через плечо: – Ни слова ей! Если что – сошлись на потерю памяти после травмы, прошу!

О том, что раньше к воротам прилагался привратник – который сейчас, к сожалению, отсутствует, – Нина могла не говорить. Я и сам догадался, что тягать здоровенные ворота из кованых металлических прутьев ей, хрупкой девушке, тяжеловато, а как аристократке – вероятно, ещё и не по рангу.

Я опередил Нину. Оказался у ворот раньше неё и отворил тяжелую створку.

На скрип обернулись темноволосая девушка, моя ровесница, и тип лет двадцати, с нахальной и самодовольной мордой. Глаза девушки сначала сощурились, глядя на меня, а потом распахнулись широко-широко. Приоткрылся рот. Казалось, она забыла, где и с кем находится, ещё чуть-чуть – и бросится ко мне.

Они с парнем стояли около автомобиля, выглядевшего так, будто девушка забрала его из музея. Малинового цвета, длинный, с круглыми, будто выдвинутыми вперёд, фарами, блестящими хромированными порогами и светло-коричневой кабриолетной крышей. Запаска крепилась сбоку – так же, как решётки радиатора, тоже вынесенные на бока. Если не ошибаюсь, в моем мире на таких автомобилях ездили когда-то совсем уж в незапамятные времена. Чуть поодаль стоял второй, подобный – видимо, на нём приехал тот тип, который продолжал назойливо гундеть:

– … только не говори, что не знаешь, насколько паршиво идут дела у вашего рода, – донеслось до меня. – Какие долги свалились на вас после смерти твоего отца! А я ж ничего такого неприличного не требую. Пока. – Тип ухмыльнулся и, взглянув в нашу с Ниной сторону, гыгыкнул: – А вот и братец с тётушкой подоспели! Тётушка, – он обратился к Нине, – хоть вы подскажите племяннице, что когда такой человек, как Егор Пухов, приглашает на свидание и предлагает за это погасить часть долгов, отказывать не стоит.

Надя – а я так понял, что девчонка не могла быть никем, кроме неё, – пришла в себя и повернулась к собеседнику.

– Пошел прочь отсюда! – топнула ногой. – Я не желаю тебя слушать!

– Уходите немедленно, – присоединилась Нина.

– Вы б повежливей, дамочки, – усмехнулся Егор Пухов. – Жизнь-то уж давно изменилась. Сейчас важно не то, у кого происхождение, а то, у кого денежки. Можно упираться, а можно реально на вещи смотреть, когда уважаемые люди хорошие предложения делают.

В нюансы того, что здесь происходит, я вдаваться не стал. Жизнь приучила меня не вникать в мелочи, если понятна суть. Суть же была проста, как наковальня: этот тип оскорбляет мою семью, угрожает, выдвигает тошнотворные предложения. Есть у него на то права, нет ли – не важно. Коль скоро я очутился здесь, пора начинать объяснять этому миру, с чем ему придётся иметь дело.

Я каким-то невероятным мгновенным порывом оказался рядом с Егором. Процедил:

– Ты не слышал, что тебе сказали? Проваливай!

Тот прищурился, нисколько не напугавшись:

– На твоем месте я бы не дерзил, а вправил сестрёнке и тётушке их куриные мозги! Я ведь реальные деньги предлагаю. Ты не забыл, сколько у вас долгов? Считать умеешь?

– Умею. Раз. – Я размахнулся и влепил кулаком ему в челюсть.

Моя сестра и Нина одновременно ахнули. Парень отступил на шаг, но не упал – спас капот второго автомобиля, на который он оперся рукой. А я поморщился от боли в костяшках. Кулаки-то не набитые… Многому ещё придётся научить это тело. Костяк бы выдержал.

– Сдурел, щенок?! – очухавшись от удара, рявкнул Егор. Заорал: – Это самооборона! Вы свидетели! – и ринулся на меня.

Он обращался к двум парням, выскочившим из машины. Ну, ясное дело, такие мрази поодиночке перья не растопыривают, всегда на подхвате кто-то сидит. Причём, зачастую кто-то посерьёзнее. Так вышло и в этот раз. Краем глаза я отметил, что если изначальный подонок выглядел лет на восемнадцать-двадцать и был довольно щуплым, то двое других и постарше, и потяжелее. Да и на разговоры не разменивались.

Несмотря на щуплость, Егор всё же был выше и тяжелее меня. Попытался ударить хуком справа – я уклонился. Драться, находясь в теле подростка, мне не доводилось с тех пор, как был подростком. Впрочем, и в те времена мало от кого из взрослых приходилось ждать чего-то хорошего. Навыки вспоминались быстро.

Дождавшись, пока Егор снова кинется на меня, я нырнул под его руку, и, воспользовавшись его же инерцией, бросил через себя. В следующую секунду меня сбили с ног – парни, выскочившие из машины, времени зря не теряли. По тяжёлому удару, прилетевшему по ребрам, я понял, что на руке ударившего кастет.

Сумел уйти перекатом от нового удара и вскочить на ноги. Для того, чтобы понять, что сейчас меня сомнут. Один из парней действительно надел на руку кастет, второй сжимал нож. Серьёзные ребята, шутить не любят.

– Вы не посмеете! – закричала Нина.

Они с сестрой бросились ко мне одновременно. Этого я допустить не мог. Рявкнул:

– Стоять! Не лезьте!

Ринулся на того, у которого был нож, в надежде его обезоружить. Понимал, что шансов у меня почти нет. Два урода, явно не сегодня впервые увидевших оружие, против подростка с голыми руками – это много. И помощи ждать неоткуда. Но ни при каких обстоятельствах не позволил бы себе поступить по-другому. Ярость, клокотавшая во мне, просила выхода. И я не стал её сдерживать.

Бил по кулаку с ножом – отчаянно, вложив в удар всё, на что было способно это тело. Понимая, что возможности ударить повторно мне не дадут – второй урод не дремлет.

Я сам не успел понять, что произошло. Ощущение творящейся вокруг адской несправедливости преобразовалось во что-то – не материальное, но ощутимое. Воздух перед моим кулаком как будто сгустился. Одним своим невысказанным желанием я усилил удар.

В кулак моего противника, сжимающий нож, ударила молния. Вокруг его фигуры образовалось яркое свечение. Раздался треск, запахло озоном. Парень завопил от боли. Второму, с кастетом, тоже досталось. Он попытался кинуться в другую сторону, но не успел – рухнул рядом со своим товарищем, так же окутанный искрами.

– Пощади! – послышался голос Егора Пухова.

Я повернулся к нему. Он так и не поднялся. Лежал на земле, выставив перед побледневшим лицом скрещенные руки.

Как ни странно, первой после всего случившегося пришла в себя Нина.

– Как ты обращаешься к аристократу? – ледяным тоном проговорила она.

У меня-то в голове только одно крутилось: «Это что я сейчас такое сделал?!»

– Пощадите, ваше сиятельство! – мгновенно исправился Егор. Он, в отличие от меня, понимал, что происходит. И, видимо, догадывался, что может произойти дальше. – Христом-богом клянусь, больше никогда! Егор Пухов слово даёт! – Он перекрестился. – Близко к вашей сестрице не подойду, и думать об ней не посмею!

Я вопросительно посмотрел на сестру.

– Отпусти его, Костя, – брезгливо проговорила та. – Пусть убирается.

– А эти? – Я кивнул на поверженных соперников.

– Этих – приберём, ваше сиятельство, – залебезил Егор, – не извольте сомневаться! Всё приберём в лучшем виде, через минуту и духу не останется. Пощадите только!

Лицо его было измазано кровью – я разбил ему губы.

– Забирай обоих и проваливай, – разрешил я.

– Будет исполнено, ваше сиятельство! – Егор, с опаской поглядывая на меня, вскочил на ноги.

– Стой, – приказал я. – Нож – сюда. И кастет тоже.

Егор забрал у приятелей оружие. С поклоном подал мне. Ухватил одного из соратников за руки и поволок по земле к своей машине. С грехом пополам запихнул тело на заднее сиденье.

Вернулся, непрерывно кланяясь. Пробормотал:

– Ещё раз нижайше прощения просим, – и так же быстро управился со вторым.

Через минуту на дороге, ведущей к воротам усадьбы, действительно не осталось ничего, что напоминало бы о произошедшем.

И только тогда Нина позволила себе дать волю чувствам. Всплеснула руками.

– Господи, Костя! Ты даже не представляешь, что сейчас натворил!

– Костя, ты выздоровел! Как ты себя чувствуешь? Ты стал таким сильным! А что у тебя с волосами? У тебя жар? Значит, ритуал всё-таки помог? – принялась тараторить Надя, как только её несостоявшийся кавалер отчалил восвояси.

Кажется, эта наивная душа была мне искренне и безоглядно рада. Она улыбалась, в глазах стояли слёзы, то лезла обниматься, то щупала лоб с озабоченным видом. И всё это время мы ещё умудрялись идти по направлению к дому.

– Я… в порядке, – попытался я одним махом разделаться со всеми вопросами.

И вдруг заметил, что Нина побледнела.

– К-какой ритуал? – спросила она.

– Ну, как же? – всплеснула руками Надя. – Дедушка ведь говорил, что соберет консилиум, чтобы над Костей провели исцеляющий ритуал! Я потому и уехала, чтобы мою магию не высосало до дна – неужели ты не помнишь?

– Ах, да! – спохватилась Нина. – Конечно, ритуал сработал. То есть, это не совсем ритуал, а вовсе… Впрочем, обсудим позднее. Косте нужно отдохнуть, он ещё слаб.

– Я помогу ему дойти до спальни, – вцепилась в меня Надя.

Я не возражал. Несмотря на некоторую назойливость, сестрёнка мне понравилась. Трудно игнорировать, когда тебя так искренне и безоглядно любят. Правда, любовь эта предназначалась не совсем мне, а если точнее – то и совсем не мне. Но всё же.

Нина же была отчего-то категорически против.

– Надежда Александровна! – её голос похолодел. – Я полагаю, вы забыли, что у нас весьма сокращён штат прислуги.

– Ты уволила Китти?! – захлопала глазами Надя.

– Нет. Но Китти не сможет загнать в гараж автомобиль. Если она попытается это сделать, мы лишимся гаража, а пожалуй, что и автомобиля.

– Чепуха, загоню потом, – отмахнулась было Надя.

– Как вам не стыдно столь пренебрежительно относиться к родовому имуществу, когда род наш находится в столь шатком положении?! – возмутилась Нина.

Надя поникла. Она всё принимала за чистую монету. А до меня уже дошло, что у Нины ко мне появился серьёзный разговор. Более того – неотложный.

– Всё в порядке, – улыбнулся я сестре. – Увидимся позже. За… – Я прикинул положение солнца на небе и предположил: – …за ужином.

Кажется, угадал. Больше того – только сейчас начал чувствовать голод, до сих пор даже не вспоминал, что у меня есть желудок.

– Хорошо, – буркнула Надя и пошла назад, к воротам. На ходу обернулась. – Очень рада, что ты поправился, Костя! Отличная причёска, кстати, сейчас такое в моде.

Нина, держа меня под руку, шагала в сторону дома. Со стороны выглядело, как прогулка дамы с кавалером, но ощущалось так, будто меня тащит конвоир. Я решительно высвободил руку.

– Объяснишь, что случилось?

– Нам срочно нужно к дядюшке, – сказала Нина.

– Мы только что от него.

– Полагаю, только он может объяснить…

– Стоп! – Теперь уже я схватил Нину за руку и остановил, постаравшись сделать это максимально деликатно. – Я не пацан, чтобы таскать меня туда-сюда без объяснения причин! Я сам определяю свой путь. Если я пришёл сюда – это был мой выбор.

– Ты пришёл сюда, потому что дядюшка тебя призвал!

– Он звал, – кивнул я. – Однако я мог и не откликнуться. Это – мой выбор. И у меня выбор есть всегда. Возникли какие-то проблемы? Я что-то сделал не так? Всё это можно сказать здесь и сейчас. Там, откуда я родом, среди людей, называющих себя «семьёй», не принято решать вопросы через голову друг друга.

Аргумент возымел действие. Нина покраснела, отвела взгляд.

– Хорошо… Ты напал на этих… с позволения сказать, людей.

– Эти, с позволения сказать, люди приставали к моей сестре с непотребными предложениями. Если бы они были моими бойцами, я бы их вздёрнул.

– Что значит, «вздёрнул»? – заинтересовалась Нина.

Я жестами изобразил, как завязываю галстук, а потом тяну за него вверх. Краска схлынула с лица Нины.

– Что сказать… Мы там не гербарии собирали, – пожал я плечами. – Однако об элементарных правилах приличия старались не забывать. В общем, Пухов сотоварищи ещё очень легко отделались.

Уверенность моя, впрочем, была напускной. Буйство подростковых гормонов уже улеглось, и я трезвым взглядом окинул содеянное. Кроту ясно, что Пухов – шестёрка, которая ходит под кем-то серьёзным. Отсюда и пальцы веером. И вот тут вопрос – как поступит «кто-

то серьёзный», когда узнает, что его шестёрки наполучали по башке? Зависит от разного. В худшем случае сюда приедут не трое дегенератов, а бойцы. А армии у меня нет… Значит, что? Правильно, Капитан Чейн. Нужно нанести упреждающий удар.

– В чём дело?! – громыхнул вдруг голос деда.

Я даже вздрогнул от неожиданности. Сложилось впечатление, будто старик просто перенёсся сюда из своего кабинета. Во всяком случае, шагов я не слышал.

– Что случилось? Откуда вспышка магии?

Вот как; значит, можно каким-то образом фиксировать использование магии. Многое мне ещё предстоит узнать, прежде чем научусь скользить в этом мире как рыба среди водорослей.

– Кто здесь был?! – Дед не получал ответов на свои вопросы и от этого всё больше разъярялся.

– Полагаю, приспешники Комарова, – пробормотала Нина.

– Что?! С каких пор этот сброд владеет магией?!

– Это не они, дядюшка. Костя прогнал их… Он…

Но деду сказанного было достаточно. Он взмахом руки оборвал Нину и пристально уставился на меня.

– Что ты сделал?

– То, что должен был, – огрызнулся я. – Мне показалось, что я знаю более эффективные методы, чем топать ногой и кричать «Кыш!». – Подумав секунду, нехотя признал: – Возможно, немного перестарался.

Впрочем, вариантов-то у меня было не два вагона. Если бы не внезапно сработавшая магия, я бы, может, сейчас лежал за воротами с головой, пробитой кастетом. И дед бы уже колдовал в многострадальное тело следующего духа… Я запоздало подумал о том, что Капитан Чейн начал бы не с Пухова, а с парней, сидящих в машине. Одного огрел бы дверью при попытке вылезти. При удачном раскладе сломал бы ему переносицу – уже минус один. Забрал бы кастет, или нож – и вот я уже не безоружен. Возможно, и впрямь сумел бы обойтись без магии… Но подростковые гормоны Кости Барятинского оказались сильнее моего прошлого рассудка. Чувствую, с этим телом мне еще предстоит побороться.

– «Знаешь»? – напирал дед. – Именно «знаешь»?

– Я не планировал никакой магии! – буркнул я. – Хотел всего лишь быстренько настучать этому… Но тут выскочили ещё двое. Поймите правильно, будь я в своём теле, я бы даже сигарету не уронил, разобравшись с ними! Но тут всё оказалось немного сложнее. И вдруг получилось…

– Значит, самопроизвольное извержение, – совсем расстроился дед.

– Звучит как-то не очень, – хмыкнул я. – Может быть, подберём другой термин?

– Спонтанная вспышка, – предложила Нина, и я кивнул в знак одобрения. – Но меня напугала не она. Это была *чёрная* магия, Костя! Твоя первая спонтанная вспышка оказалась чёрной.

Глава 4. Магия и деньги

Я перевёл взгляд на деда. К тому, что у магии тут есть цветовая дифференциация, нужно было как-то относиться. Но как?

– А вот это плохо, – нахмурившись, проговорил дед. – Чёрная магия – это очень плохо.

Послышался шум мотора, шорох колёс, и мимо нас пронёсся автомобиль. Не сбавляя скорости, Надя дважды нажала на клаксон и унеслась в сторону гаража.

На этот раз дверь в кабинет Григорий Михайлович запер изнутри, выставив даже Нину. Разговор предстоял мужской и конфиденциальный. Мне, впрочем, показалось, что такие меры предосторожности вызваны не столько секретностью грядущей беседы, сколько тем, что дед не желал светить своё маленькое хобби.

Подойдя к книжному шкафу, он вынул с верхней полки несколько томов и достал объёмный графин, квадратный в сечении, более чем наполовину заполненный коричневой жидкостью. В том же тайнике обнаружился и бокал. Налив его до половины, дед посмотрел на меня. Я отрицательно покачал головой.

– Не пьёшь совсем? – уточнил дед.

– Бывает иногда. Но к этому телу я не привык, меры не знаю. К тому же на голодный желудок…

– Через полчаса будет ужин, – вздохнул дед и залпом опрокинул всё, что налил.

Поморщился, вздохнул и убрал реквизит на место.

– К делу, – сухо сказал он, сев за стол. – Вот что тебе нужно знать. Чёрная магия связана с желанием навредить другим и ублажить себя. Я, разумеется, упрощаю. Белая магия подразумевает противоположный подход к жизни.

– Навредить себе и ублажить окружающих? – удивился я.

– Не перебивай! – Дед пристукнул по столу кулаком, но тут же опомнился. – Извини… Я вижу своего непутёвого внука и обращаюсь соответственно.

– Да не страшно, – пожал я плечами.

– Белая магия означает созидание. Быть белым магом – значит, делать мир лучше. Не причинять вреда.

– Дед… – вздохнул я. – Не хочу расстраивать, но добрые дела чистыми руками не делаются. Не в сказке живём. Я бы поверил, что у вас – по-другому. Ещё полчаса назад бы поверил. Но повидав тех скотов за воротами…

– Мне ты можешь доказать всё, что угодно, – пожал плечами дед. – Но магия – стихия, ей ничего не докажешь. Пока ты стоишь на пути созидания и развития – ты белый. Если становишься на путь разрушения – ты чёрный. Учитель прибудет завтра, он принесёт тебе амулет-индикатор. Надеюсь, ещё не всё потеряно. – Дед потёр ладонью лоб. – Видишь ли… Традиционно первая вспышка магии определяет выбор мага. Твоя первая вспышка была чёрной. Если пойдёшь этим путём – как ни старайся, ты не сможешь спасти наш мир от участи твоего.

– И что же делает белый маг, если на него бросаются с ножом? – не выдержал я. – Читает проповедь о терпимости? Подставляет другую печень?

Дед взял со стола канцелярский нож и бросил мне. Я поймал.

– Попробуй.

– Шутишь?

– Можешь не выдвигать лезвия. Нападай.

Пожав плечами, я встал с кресла и подошёл к столу. Григорий Михайлович сидел, сложив руки на столе, и смотрел на меня в ожидании. Я окинул взглядом стол.

Документы с него исчезли, остались лишь писчие принадлежности, ящичек с визитными карточками, да загадочный глобус, похожий на мраморный. Загадочность заключалась в том, что на глобусе не было континентов – там не было вообще ничего. Просто шар. Как будто заготовка, болванка.

Ну, что ж…

Я змеёй бросился вперёд. Нож без лезвия летел к сонной артерии. Я планировал остановить его в пяти миллиметрах от цели. По крайней мере, моё прежнее тело легко могло исполнить такой трюк.

Но что-то вмешалось в мои намерения. Краем глаза я заметил, как поверхность «глобуса» вспыхнула ярко-белым светом, шар начал вращаться. И в тот же миг моя рука словно врезалась в стену.

Я вскрикнул. Нож переломился пополам и выпал из руки на стол. Свечение шара погасло, вращение остановилось. Он вновь превратился в мраморный «глобус».

– Обычно, столкнувшись с агрессией, белый маг спонтанно применяет что-то подобное, – спокойно, как ни в чём не бывало сказал дед. – Осознанное применение конкретно этой техники называется Щит. У меня не было намерения навредить тебе, было лишь намерение защитить себя.

– Ясно. – Я отошёл, потирая руку и с уважением глядя на Григория Михайловича. – И много у вас таких трюков? Я имею в виду, у белых магов?

– Достаточно для того, чтобы чёрные маги знали своё место. – Дед взял обломки ножа и бросил их в корзину, стоявшую рядом со столом. – Надя – слабенький маг, однако в случае чего она гарантированно защитила бы себя от обычного человека. Твоё вмешательство не требовалось. К счастью, Надя не придала значения тому, что видела. Её впечатлила лишь твоя сила.

– Давай проясним. – Я прошёлся по кабинету, сложив руки на груди. – Значит, если простые люди, не маги, досаждают даме, вмешиваться не полагается? Дама-маг может сама за себя постоять?

– Ты можешь сделать такому человеку замечание, – развёл руками дед. – Как правило, этого более чем достаточно… Извини, тут моя вина. Мне непросто привыкнуть к мысли, что ты явился из мира, в котором давно позабыли магию. И то, что для меня – само собой разумеется, для тебя – нечто сверхъестественное… Видишь ли. В нашем государстве аристократы издревле являют собой высшую власть. Мы немногочисленны – едва ли одна десятая процента населения огромной Империи, – но, тем не менее. Мы управляем внутренней и внешней политикой. Экономикой, производством, земледелием. Командуем войсками, строим заводы и фабрики, осваиваем новые территории. Руководим образованием, здравоохранением, и так далее.

– То есть, проще говоря, аристократам принадлежит всё? – уточнил я.

– Примерно так, – кивнул дед. – И в этом нет ничего удивительного. Единственный маг не самого высокого уровня в состоянии держать под контролем более сотни обычных людей. Российская Империя расширяла свои границы и укрепляла свою мощь именно за счёт магов – и для простого населения это очевидно. Право аристократии на абсолютную власть не подлежит ни малейшему сомнению.

– Тем не менее, некий Егор Пухов позволил себе усомниться, – напомнил я. – Послушал бы ты, что он нёс…

– Что бы ни нёс этот простолюдин, он – всего лишь уличная шавка, которая лает на всех! – отрезал дед. – А насколько я понял ситуацию, первым к насилию перешёл ты. Ты – потомок древнего благородного рода! Это было, мягко скажем, излишне.

– Но Надя…

– Уверяю тебя, Надя не воспринимала слова этого Пухова иначе. Всё, что он говорил, для неё – пустой звук. Другое дело – оскорбление от аристократа. В этом случае, разумеется, твоим долгом чести было бы потребовать от мерзавца удовлетворения.

– Дуэль? – уточнил я.

– Дуэль, – согласился дед. – Повторюсь: наши миры слишком различны, тебе ещё многое предстоит узнать. Но пока, Костя, я прошу тебя от всего сердца. Воздержись от применения магии! Наилучший для тебя вариант – вовсе не выходить с территории усадьбы. Завтра ты познакомишься с учителем, и он расскажет тебе, как действовать и развиваться дальше. Надеюсь, для тебя ещё не всё потеряно…

Может, он и был прав. Я только-только попал в этот мир. Конечно, попал после расстрела, что меня взбудоражило. Но всё-таки, надо позволить себе выдохнуть. Осмотреться вокруг. Поужинать чем-то вкуснее синтетической каши в брикетах…

Всё так, всё так. Но есть одна проблема.

– А что там говорил Пухов про долги нашего рода? Всё настолько серьёзно?

Я внимательно смотрел на деда, и от меня не укрылось, как его покорёжило от этого вопроса.

– Вот этого тебе точно не стоит касаться, – резко заявил он. – Хотя бы по причине несовершеннолетия… Это – только моя проблема. И решать её буду я.

Я сдержал замечание о том, что решение, судя по словам Пухова и общему состоянию имения, явно знававшего лучшие времена, пока не очень-то ищется. Вместо этого сказал:

– Во-первых, в своём мире я давно перешагнул порог совершеннолетия. А во-вторых, если мне предстоит вступить в игру, то я, как минимум, должен быть в курсе всего, что касается нашего рода. Я не привык драться с закрытыми глазами.

– Что ж, в этом ты прав, – неохотно признал дед. – Хорошо. Твой отец был благородным человеком и сильным магом. Но во всём, что касалось финансовых вопросов, его навыки оставляли желать лучшего. Александр был щедр. Добродушен. С деньгами расставался легко и без оглядки. А после смерти твоей матери на многое вообще махнул рукой. И, как я сейчас понимаю, те, кто его окружал, пользовались этим без зазрения совести. Полагаю, что наше состояние казалось твоему отцу бездонным колодцем, из которого можно черпать бесконечно. В момент, когда Александру не хватало на что-то денег, он без раздумий брал ссуды. Наше родовое имя, наше положение в обществе известны всем. Ростовщики и прочие сомнительные личности вились вокруг Александра роем, и каждый с готовностью раскрывал кошелёк. А он, очевидно, даже не задумывался, под какие проценты ему дают эти деньги… Если бы не скоропостижная кончина Александра, рано или поздно я, конечно, узнал бы об этих непомерных тратах. Вместе мы нашли бы выход. Но мой сын умер, ничего не успев рассказать мне. Буквально на следующий день после того, как было объявлено о его смерти, на меня лавиной хлынули долговые расписки. – Дед помолчал. – Для того, чтобы выплатить хотя бы срочные долги, мне пришлось отказаться от содержания особняка в Петербурге. Я рассчитал прислугу, мы перебрались сюда. И здесь тоже, как ты, вероятно, уже заметил, не шикуем. Обходимся минимумом слуг. Не устраиваем ни приёмов, ни званых обедов. Перестали выезжать в свет… Я объясняю это тем, что всё ещё носим траур. Но, несмотря на все мои усилия, слухи о нашем незавидном положении, видимо, просочились в общество.

– Видимо, – кивнул я. – А кто такой этот Комаров, о котором говорила Нина?

Дед помрачнел ещё больше. Пробормотал что-то насчет черни, которая в последние годы совсем распоясалась. Я молча ждал.

– В нашем мире богаты не только аристократы, – наконец проговорил дед. – У людей, принадлежащих к иным сословиям, но имеющих талант – например, в торговле или ремеслах, – также есть возможность жить безбедно. В последние годы большую силу набирает купечество, отдельные представители этого сословия сколачивают состояния, коим и аристократы могут позавидовать. Несколько лет назад Государь дозволил самым достойным отпрыскам таких семейств посещать, помимо обычных городских и сельских школ, ещё и пансионы при университетах. А с этого года поговаривают даже о возможности поступления этих отроков

в высшие учебные заведения. Голосования пока не было, но я полагаю, что Ближний Круг вынесет положительную резолюцию. Государь наш батюшка славится заботой о подданных. И полагает – на мой взгляд, вполне справедливо, – что и среди лиц, не имеющих аристократических корней, могут встречаться истинные самородки.

– Интересно, – кивнул я. – Комаров, значит, из таких самородков?

Дед вздохнул. Понял, видимо, что обсуждать неприятную тему придётся. Проворчал:

– Выродок он, а не самородок! Если такие купеческие фамилии, как, например, Демидовы или Морозовы, готовы уважать и я, и многие мои знакомые, то таких, как Комаров… – Дед поморщился. – Слухи ходят разные. Формально Комарову принадлежат небольшая ткацкая фабрика и красильня, но поговаривают, что основное состояние ему принесло содержание питейных заведений и домов терпимости… – Дед посмотрел на меня искоса. – Ты понимаешь, что я имею в виду?

Кажется, он, несмотря ни на что, продолжал считать меня подростком.

Я, постаравшись не усмехнуться, кивнул. Попросил:

– Продолжай.

– Как бы там ни было, состояние у Комарова весьма солидное, – продолжил дед. – И главным кредитором твоего несчастного отца был именно он. Вряд ли я когда-нибудь сумею доказать, что Комаров намеренно разорил нас. – Дед горько вздохнул. – Доказательств у меня нет, и взяться им неоткуда. Как не узнаю, отчего Комарову так приглянулось именно наше родовое гнездо. Сколь давно он положил на него глаз… Суть в том, что на днях Комаров нагрянул ко мне с визитом, во время которого предъявил долговые расписки твоего отца. Изрядную их часть. И сказал, что готов, в качестве погашения долга, забрать наше имение. Вот это, Барятино. То, где мы с тобой сейчас находимся… Вероятно, он считает, что такая покупка позволит ему приблизиться к получению личного дворянства, – дед презрительно скривился, – даже не предполагая, насколько смешно будет выглядеть подобная попытка. А приспешник Комарова, которого ты видел на дороге, судя по всему, в курсе его планов. Видел издали Надю – не удивлюсь, если давно исподтишка любовался ею. Узнал, что моё согласие на сделку уже почти в кармане у Комарова. Вот, и…

– Почти? – переспросил я.

– Я пока не дал окончательного ответа. – Дед отвёл глаза. – Взял две недели на раздумье, срок истекает послезавтра. Формально. Фактически же мы оба, Комаров и я, понимаем, что эта отсрочка – всего лишь попытка надышаться перед смертью. Выхода у меня нет. Объективно – сумму бóльшую, чем предлагает в качестве погашения долга Комаров, за Барятино никто не даст. Но это ни в коем случае не значит, – он повысил голос, – что Комаров может дозволять своим прихвостням так распускаться! Неслыханно хамская выходка! Ему это, разумеется, с рук не сойдёт.

– Уже не сошло, – напомнил я. – Как зовут Комарова?

– Не припомню… Фёдор? – Дед задумчиво посмотрел на меня.

Я в ответ пожал плечами.

– Нет, не Фёдор, – пробормотал дед. – Обожди, сейчас.

Придвинул к себе изящный деревянный ящичек, отделанный перламутром, перевернул его над столом. На столешницу посыпались разноцветные визитные карточки. Дед принялся их перебирать. Делал он это с какой-то сумасшедшей скоростью, карточки так и мелькали в морщинистых пальцах.

– Федот, – сказал дед.

Разноцветный веер прекратил движение. По лакированной поверхности стола ко мне скользнула красная визитная карточка, изрисованная золотыми вензелями.

ФѢдотъ Ефимовичъ Комаров

Коммѣрсант

Санкт-Пѣтѣрбургъ

Собствѣнный особнякъ на углу Литѣйнаго и Пантѣлѣймоновской.

– Собственный особняк, значит, – взяв карточку, проговорил я. – Что ж. Это хорошо. Собственный особняк – это очень удобно.

Глава 5. Планы

Поговорить с сестрой после того, что случилось на дороге, я толком не успел. Благо, разыскивать Надю не пришлось – она налетела на меня откуда-то из-за угла, едва успел выйти из кабинета. Видимо, давно поджидала, пока мы с дедом закончим разговор.

Хорошо, что я услышал быстрые лёгкие шаги и не встретил девушку ударом с разворота. Не люблю, когда на меня накидываются из-за угла. И хорошо, что Надя моего порыва не заметила. Она многозначительно приложила палец к губам, схватила меня за руку и потащила за собой.

Просторное помещение, в котором мы оказались, было уставлено книжными шкафами. Из шкафов выглядывали корешки солидных томов, на стене висела большая карта.

«Вѣликыя Россійскыя Импѣрія», – прочитал я.

Так же стены украшали чёрно-белые, удивительно чёткие фотографии и акварельные рисунки в золоченых рамках. Посреди помещения стоял низкий стол в окружении широких, разлапистых кресел. На столе – стопка журналов и серебряный поднос с двумя чашками, кофейником и кучей других предметов – о назначении которых я мог только догадываться.

– Я попросила Китти подать кофе сюда, а не в столовую, – сказала Надя, усаживаясь в кресло. – Я ждала тебя! Расскажешь наконец, что тут произошло, пока я гостила у Полли? Дедушка велел мне уехать, чтобы я не мешала врачам. Он сказал, что будет собирать консилиум. Это было три дня назад, и выглядел ты ужасно! А сейчас – вполне здоров. Только что-то случилось с Ниной. Отчего она так всполошилась? Испугалась, что ты слишком сильно ударил тех негодяев?

Надя болтала, а я разглядывал её.

Красивая, высокая – чуть пониже меня, – стройная, с большими голубыми, как у Нины, глазами. Длинные тёмные волосы от порывистых движений Нади выбились из причёски, и голову как будто окутывало пушистое облако. Надя была одета в синее домашнее платье – не такое строгое, как у Нины, с нарядным воротником и короткими рукавами, но тоже длинное. В моём мире в таких платьях ходили примерно тогда же, когда ездили на автомобилях, подобных тому, что я видел на дороге.

Болтая, Надя не забыла разлить кофе по крошечным чашкам из тонкого, почти прозрачного фарфора. Придвинула мне белый кувшинчик, расписанный незабудками, серебряную вазочку, наполненную неровными кусками колотого сахара, блюдо с какой-то выпечкой.

– Добавить тебе сливок? – и, не дожидаясь ответа, налила в мою чашку сливки из кувшинчика. Видимо, с привычками брата была хорошо знакома. – Что сказал дедушка? Отругал тебя?

– Нет. – Мне наконец удалось вставить первое слово.

Надя всплеснула руками.

– Уф-ф! Ну, отлично, я рада! Я была совершенно уверена, что Нина зря так расстроилась. Этот негодяй заслужил урок! Как ты его, а?! – Она вскочила.

Попробовала изобразить удары, которые я наносил, и чуть не опрокинула кофейник. Я едва успел его подхватить.

– Ой, прости, – виновато вздохнула Надя. Снова уселась в кресло. – Я, признаться, не поверила тебе, когда ты сказал, что будешь втайне, по какой-то новой системе, тренировать магическую силу. Думала, что ты просто придумал очередной способ отлынивать от подготовки к экзаменам… Но сегодня увидела, что была неправа. Я так горжусь тобой, братик! Так жаль, что мы пока вынуждены сидеть здесь! Уже очень хочется вернуться в Петербург, правда? Полли рассказывала, что…

– Ты его знаешь? – перебил я.

– Кого?

– Того типа, который к тебе приставал.

Надя небрежно дернула плечом.

– Видела несколько раз, когда выезжала кататься, или в гости. Он пытался раскланиваться, но я на него даже не смотрела. Делала вид, будто не замечаю. А что?

– Значит, где он живёт, ты не знаешь?

– Разумеется, нет! Для чего мне это знать?

– Ни для чего, – согласился я. – А где-нибудь в доме есть карта Петербурга?

– Костя, ты меня пугаешь, – нахмурилась Надя. – Есть автомобильная карта, но она в машине. Когда у нас был шофер, он ею пользовался. Сейчас за дедушкой присылают машину со службы, а мы ездим без шофера, сами. Нина, возможно, картой тоже пользуется. Но нам с тобой она позволяет садиться за руль только здесь. По городу ездить не разрешает, говорит, что это опасно. А здесь мы и так все дороги знаем, карта ни к чему… Неужто ты забыл?

Ответ я, благодаря подсказке Нины, приготовил заранее.

– Я пока восстанавливаюсь после травмы. Чувствую себя хорошо, а вот память иногда подводит. Не удивляйся моим вопросам.

– Ох, ну конечно! – Надя всплеснула руками. – Как я не догадалась! Еще бы, после такого ужаса. – С сочувствием посмотрела на меня. – Чтобы не беспокоить Нину и дедушку, ты можешь в любой момент обращаться ко мне! Я всегда тебе помогу.

– Очень на это рассчитываю, – кивнул я. – Мне понадобится твоя помощь в одном небольшом деле.

План у меня сложился сразу, как только узнал от деда о финансовых затруднениях рода.

Стервятников вроде Комарова ненавидел с детства. А если правильно понял то, что услышал относительно превосходства магов над простыми людьми, план казался осуществимым даже без предварительной подготовки. Даже с учётом того, что магом я был пока ещё посредственным. Простолюдин никак не определит мой магический уровень – во-первых. Единственной вспышки моего гнева хватило Егору Пухову для того, чтобы поседеть от страха, а двум его приспешникам – для того, чтобы упасть и больше не подняться – во-вторых. Ну, а в-третьих, разговоры подпольщиков о том, что Капитан Чейн один стоит целого взвода – тоже не пустой звук. При удачном раскладе есть шансы обойтись без всякой магии.

Меня смущало лишь то, что осуществлять задуманное, будучи Константином Барятинским – представителем древнего рода, которого многие наверняка знают в лицо, – однозначно не стоило.

– Мне необходимо изменить внешность, – сказал я.

Вспомнил, как Нина упоминала свой магический арсенал и обещала деду, что без проблем вернёт мне прежний облик. И я этим словам, понаблюдав за тем, как собралось из осколков разбитое вдребезги стекло, вполне доверял. Рассудил, что если Нина может изменить мой облик, то, вероятно, то же самое может сделать Надя.

– Для чего тебе менять внешность? – изумилась Надя.

К счастью, придумывать ничего не пришлось. Эта девушка выдвигала собственные предположения гораздо быстрее, чем работала моя фантазия.

– Опять какие-то твои проделки, да? – накинулась она на меня. – Вы с друзьями снова что-то затеваете? Ты возьмёшь меня с собой?

– Нет, – отрезал я. – Исключено. Это… мероприятие не предполагает присутствия девушек.

Надя фыркнула.

– Подумаешь! Тоже мне, секреты! Ну, и пожалуйста. Я не навязываюсь. – Надулась и отвернулась.

– Так ты сумеешь изменить мою внешность?

– Ты, как я вижу, и сам неплохо справился, – засмеялась Надя.

Удивительная девушка – мгновенно переходила от состояния обиды к искренней приязни. Выпорхнула из кресла, села на подлокотник моего. Провела рукой по моим вискам, тронула косу.

– Надо признать, тебе очень идёт! Дедушка сильно ругался?

– Терпимо.

– Ты стал удивительно немногословным, – снова засмеялась она. – Я тебя просто не узнаю!

– А нужно, чтобы никто не узнавал, – напомнил я. – Я могу на тебя рассчитывать? У тебя достаточно… м-м-м… магической квалификации?

Надя горделиво вскинула голову.

– Я – не Нина, конечно. Но уж с такой ерундой справлюсь, не сомневайся.

– Отлично. Во сколько дедушка обычно ложится спать?

– В девять. Он встает рано, на рассвете. Говорит, что в его годы разлёживаться – грех. Что надобно употреблять с пользой каждый час, отмеренный Господом.

– Резонно, – согласился я. – А Нина?

Надя пожала плечами.

– Не могу сказать. После ужина она обычно уходит к себе в спальню. Не думаю, что ложится сразу, но, вероятно, тоже не поздно. К ней иногда приезжают из больницы ранним утром, а то и по ночам. Ниночка никогда не отказывает! Никому! Хотя, бывает, до того устает, что не может даже выйти к завтраку… Бедная Нина. – Надя опустила глаза. – Пока была молода, женихам она отказывала, потому что заботилась о нас с тобой. А сейчас ей уже тридцать четыре. Свое приданое Нина отдала в уплату папенькиных долгов. Хотя её взяли бы замуж даже сейчас. Даже без приданого! – Надя всплеснула руками. – Ниночка такая красавица! И по характеру – сущий ангел, не то, что я… Я знаю человека, которому Нина обещала, что подумает о замужестве после того, как мы с тобой закончим гимназию. Это очень хороший человек, ради Нины он горы бы свернул! Но выйти за него сейчас, в нынешнем своём положении, она не согласится. Слишком гордая. Без приданого – это ведь как будто из милости. – Надя вздохнула.

– Нина получит приданое, – сказал я.

– Правда? – вскинулась Надя. – Откуда ты знаешь?

– Знаю. Получит. – Я поднялся. – Я приду в твою комнату в восемь часов.

– Ты всё-таки ужасно изменился, – глядя на меня во все глаза, проговорила Надя.

Я кивнул.

– Верно подмечено. У меня изменились даже привычки. – Кивнул на кофейную чашку, к которой не притронулся: – Не наливай мне в кофе сливки, пожалуйста. Спасибо.

Ещё сидя в библиотеке, я услышал, что откуда-то зазвучала музыка. Приятная мелодия… А проходя мимо гостиной, понял, что доносится она оттуда. Заглянул.

На квадратном ящике из красного дерева, снабжённом боковой рукоятью, крутилась пластинка. Над ящиком возвышался раструб начищенной трубы. Звуки издавала именно это конструкция.

У окна гостиной стояла Нина. Когда я открыл дверь, она обернулась.

– Костя… Осваиваешься?

– Да.

– А я вот… ностальгирую. – Нина грустно улыбнулась. – Под эту мелодию я танцевала на выпускном балу. Кажется, что это было только вчера. Тогда казалось, что вся жизнь впереди. И – оглянуться не успела, как она пронеслась мимо. Молодость… Мечты о счастье… Глупо, верно? Прошлого не вернёшь.

Она подошла к граммофону, потянулась к ручке. Я понял, что хочет остановить мелодию. Перехватил ее руку.

Твердо проговорил:

– Глупо – это жить только настоящим. Глупо – заменив мать двоим детям, думать, что твоя собственная жизнь на этом закончилась. Прошлого действительно не вернёшь. Но будущее творим мы… Всё ещё изменится, Нина. – Я провёл рукой по её плечу. – Изменится, обещаю. Ты ещё будешь танцевать на балу.

– Господи, Костя… – в глазах Нины заблестели слёзы. – Ты просто не знаешь! Или не представляешь себе, насколько наше положение… печально.

– Представляю. – Я привлек её к себе. – Потому и обещаю, что всё изменится.

Нина прижалась лицом к моей груди. Пробормотала:

– Как же ты повзрослел… И как же я хочу тебе верить.

***

– Ты желаешь стать похожим на кого-то знаменитого?

К моему приходу Надя подготовилась. Разложила на столике, стоящем возле дивана, яркие журналы, открытые на нужных страницах. Со страниц на меня смотрели глянцевые красавцы всех мастей.

– На всякий случай, напоминаю: достичь идеального сходства не удастся. А кроме того, любой хоть сколь-нибудь сильный маг мгновенно догадается, что ты в маске. – Надя вздохнула. – Я пока не умею прятать следы воздействия.

– И не надо, – решил я. – Мне не нужна чужая личина.

– А что тебе нужно?

– Маска. Просто гладкая белая маска, которая скроет мою внешность.

Надя скривилась.

– Да ну… Так неинтересно.

– Зато действенно. – Я подошёл к ней. – Что нужно сделать для того, чтобы ты приступила к работе?

– Перестать на меня ворчать! – огрызнулась Надя. Указала на диван. – Садись сюда.

Я присел. Она села рядом со мной.

– Закрой глаза. Больно не будет, не бойся.

Мне удалось сдержать смешок. Интересно, что бы она сказала, узнав, что мне иной раз наживую прижигали и штопали раны?..

Я закрыл глаза. Вскоре лица коснулась тёплая волна – которая постепенно становилась всё горячее.

– Я не обожгу, – пообещала Надя. – Точно хочешь просто белую маску? Пока ещё не поздно передумать.

– Точно.

– Ну что ж, воля твоя… Всё, открывай глаза.

Горячая волна отхлынула. Я открыл глаза.

Надя взяла меня за руку и подвела к большому зеркалу, висящему на стене. Перед зеркалом стоял столик, на котором были разложены серьги, колечки, бусы и прочая дребедень.

– Ужас! – глядя в зеркало, прокомментировал Надя. – Как я и предупреждала.

Моё лицо будто превратилось в гипсовую маску. Белую, безликую и гладкую – если не считать глубоких провалов глаз.

Я приблизил лицо к зеркалу. Левый глаз по-прежнему остался голубым, правый – чёрным. Я вопросительно посмотрел на Надю. Та развела руками.

– С глазами ничего не могу сделать. С этим не справился бы даже более серьёзный маг. Нашу фамильную примету так просто не скроешь.

– Ладно, – решил я. – Сойдёт.

Собрался уходить.

– Постой! – Надя кинулась ко мне. – Так… ну, вообще некрасиво! Неэффектно. Сейчас.

Она вновь поднесла ладони к моему лицу. Щекам на мгновение стало жарко. Когда я вновь повернулся к зеркалу, увидел, что щёки расчертили две черные молнии.

– Ну, вот, – удовлетворенно сказала Надя. – Другое дело!

Спорить я не стал. Поблагодарил её, повторил, что взять с собой совершенно точно не могу, и вышел.

***

К спальне Кости с одной стороны примыкала ванная комната, с другой я увидел ещё одну дверь. Распахнув её, решил поначалу, что непонятным образом угодил в театральную костюмерку. Потом вспомнил оброненное Ниной слово «гардеробная». Судя по всему, это была именно она.

Рубашки, костюмы, куртки, жилеты, плащи – чего тут только не висело и не лежало. За исключением того, что мне было нужно – в этом я убедился полчаса спустя, перерыв всё, до чего дотянулся. Разумеется, обнаружить в гардеробе шестнадцатилетнего оболтуса полевую офицерскую форму не рассчитывал. Но, дьявол! Хоть что-то ноское и практичное среди его барахла должно было найтись?

В конце концов мне всё-таки повезло. Расстегнув чехол из материи, похожей на паутину, я обнаружил внутри странный костюм. Плотная чёрная ткань, штаны с накладными карманами, майка с длинным рукавом. Куртка – с высоким воротником, из материала, напоминающего кожу. На локтях и коленях – уплотнения. Сидела одежда идеально, движений не сковывала.

К костюму прилагались сапоги с крепкими носами и набойками на каблуках, тоже отлично севшие на ногу. Во внутреннем кармане куртки я обнаружил перчатки. Смутил меня только рисунок на спине, изображающий то ли привидение, то ли что-то в этом роде. Он был нанесен фосфоресцирующей краской и в темноте светился.

Ладно, чёрт с ним. Замазывать не буду – нечем, да и без надобности. Надеюсь, что всё это мне понадобилось в первый и последний раз. Над костюмом висели широкополая шляпа и чёрная маска. Я хмыкнул. Вот это уже точно – лишние детали. Шляпу я потеряю при первом же резком движении, оставлять улики ни к чему. А маской и без Кости обзавёлся.

Одежду я приготовил заранее, ещё перед тем, как идти к Наде. Сейчас переоделся. Выглянул в коридор. Убедившись, что в доме тишина, быстро спустился по лестнице и вышел на крыльцо.

***

В огромном гараже, по моим прикидкам, могло бы разместиться не менее пяти автомобилей. Плюс два длинных навеса на улице – я не сразу сообразил, для чего они, потом вспомнил о «приёмах», которые упоминал дед. Малиновый автомобиль в пустом гараже был похож на игрушку, забытую на детской площадке – такой же одинокий и грустный. Ключ так и торчал в зажигании – как два часа назад, когда я лазил сюда за картой. Воровства здесь, судя по всему, не опасались.

Я уселся за руль. Автомобиль уже успел осмотреть и понял, что с управлением разберусь без проблем. Дорогу я запомнил. Но карту – пухлый журнал, успевший истрепаться на сгибе, на всякий случай положил рядом с собой. Завёл машину и выехал из гаража.

Барятино, если я правильно понял, располагалось в десятке километров от столицы Империи, Санкт-Петербурга. Город с таким названием в моём мире тоже, кажется, когда-то существовал. Возможно, существует и до сих пор, просто сменил название – приход к власти Концернов, как это нередко случается, ознаменовался масштабным переименованием многих населенных пунктов.

Дорога была отличной. Автомобиль шел на удивление ходко, и дорожных знаков, ограничивающих скорость, я не заметил. Возможно, здесь до них ещё не додумались. Встречные машины почти не попадались. И сам я, за весь путь, догнал единственный автомобиль. Обгонять не рискнул – машину Нины в округе наверняка знают. Пристроился сзади, на приличном расстоянии.

Предместье скоро закончилось. По обеим сторонам широкой дороги замелькали двух— и трехэтажные дома. Чем дальше я продвигался, тем всё более высокими и нарядными они становились. По тому, как выглядела всего лишь «загородная усадьба» деда, я догадывался, что в столице меня ждёт нечто гораздо более грандиозное. Но такого великолепия всё же не ожидал. Не раз и не два мимо проплывали настоящие дворцы. Весьма вероятно, «городской особняк» Барятинских представлял собой нечто подобное, но сейчас мне было не до поисков родового гнезда. Меня интересовал адрес, указанный на красной визитке.

Машину я оставил в одном из переулков. До особняка, стоящего на пересечении широкого проспекта с улицей поуже, дошёл пешком.

Внушительных размеров двухэтажный дом с колоннами был отделён от улицы кованой чугунной оградой и небольшим палисадником. Рядом с въездными воротами я увидел калитку и кнопку электрического звонка. Решительно надавил на кнопку.

Из будки у ворот выскочил и подошёл к калитке нелепо наряженный дядька – судя по растрепанному виду, разбуженный. При виде меня он вздрогнул. Попятился, потом взял себя в руки.

– Чего… тебе? Пошто озоруешь? – оглянулся на будку. Из неё высунулся здоровенный детина с карабином в руках. Тоже заспанный.

– Хозяин дома? – осведомился я.

– Об эту пору все приличные люди дома, – проворчал привратник.

– Чего надо? – присоединился к нему охранник.

– Я к хозяину.

– Назначено? – охранник с сомнением посмотрел на меня.

– Нет. Но хозяин обрадуется.

Я жестом поманил обоих подойти ближе к ограде. Охранники, переглянувшись, приблизились. Я раскрыл кулак.

На ладони лежала бархатная коробочка, которую взял со столика в комнате Нади. Внутри коробочки – перстень с крупным, темно-синим камнем, в окружении камушков помельче. Я понятия не имел, насколько они ценны, но это было и неважно. Выбрал то, что поярче сверкало. Многозначительно сказал:

– Федот Ефимович обещал хорошую награду тому, кто принесет этот перстень.

Охранники уставились на мою ладонь. Сработало – глаза обоих загорелись. Сам я не доверил бы таким людям даже охрану деревенского сортира. Федот Комаров либо непроходимо туп, либо чересчур самонадеян.

– Давай сюда, – предложил детина, – покажем хозяину. А то, может, брешешь ты всё! Эвон, рожу-то как размалевал.

– А не обманете? – я изобразил смятение.

– Честное благородное слово! – возмутился охранник. – Давай, – протянул ладонь к решётке.

– Держи, – кивнул я.

Ухватил его за протянутую руку и изо всех сил дёрнул на себя. Охранник влепился лбом в ограду. В ту же секунду я сбросил с его плеча ремень карабина. Перехватил оружие удобнее, переломил ствол и дослал патрон. Приставил дуло к подбородку охранника. Приказал привратнику:

– Открывай.

Привратник, побелев от страха, схватился за висящий на шее свисток. Я красноречиво ткнул дулом в подбородок охранника.

– Стреляю? В него, потом в тебя?

– Кузьма! – прошипел охранник. – Не смей!

На помятом лице Кузьмы отразилось смятение.

– Барин… Прибьёт…

– То когда будет! А этот сейчас пристрелит, дубина! – охранник оказался более сообразительным. – Отпирай!

Привратник трясущимися руками отпер засов на калитке.

– Правильное решение, – одобрил я.

Вошёл. Сначала огрел прикладом охранника – он выглядел более серьёзным противником. Привратнику прилетело по затылку в момент, когда подносил ко рту свисток. Бывают же такие бестолковые люди – ничему не учатся.

Я оттащил обоих за будку, чтобы не было видно с дороги. Патронов при охраннике не обнаружилось. Я заглянул в будку и отыскал коробку, которую едва успели распечатать. Что ж, спасибо за подарок. Пригодится.

Карабин я осмотрел, шагая к особняку. Неплохая машинка. Здесь, вероятно – модель из самых новых, а в моём мире подобные в ходу уже больше сотни лет. Механизм у них простой и надежный. А что скорострельность низкая – так не всегда высокая и нужна. Сейчас, например, карабина мне вполне достаточно. А вот его хозяину – руки бы повыдёргивать. Когда он его чистил-то в последний раз? Надо же так оружие запустить. Ни один из моих бойцов такого себе не позволял…

Я поднялся по лестнице, ведущей к дверям особняка. Здесь никаких звонков не было. Подёргал дверь – заперто.

Выносить замок выстрелом не хотелось. Лишнее внимание мне ни к чему. Начал было спускаться по ступеням, чтобы обойти дом в поисках чёрного хода, когда дверь вдруг распахнулась.

Глава 6. Фамильная реликвия

– Ну, кто тут… – недовольно начал тип, высунувшийся из-за двери.

Я не дал ему договорить. Съездил прикладом по челюсти, снизу вверх. Добавил ногой в живот. Войдя в дом, влепил типу с разворота по уху. Тип рухнул на пол.

Я наклонился над ним. В отключке… Интересно, сколько тут ещё слуг? Это ведь явно не хозяин – одет в такую же нелепую длиннополую куртку с золотыми пуговицами, что и привратник.

Откуда-то сверху гремела разудалая музыка. Стоя на крыльце, я её не слышал, шумоизоляция в доме отличная. Это хорошо. Значит, те, кто будут проходить по улице, тоже ничего не услышат.

Из просторного холла наверх вела широкая лестница, застеленная ковром. Я быстро взбежал по ступенькам.

Из-за угла показалась девушка в коротком облегающем платье. Поверх платья – передник, в волосах – наколка. Девушка держала в руках поднос, уставленный пустыми бокалами и тарелками. Увидев меня, остановилась, как вкопанная, и открыла рот, приготовившись завизжать. Не успела – я подскочил к ней и зажал рот ладонью. Пообещал:

– Будешь вести себя хорошо – не обижу.

Девушка смотрела со страхом.

– Ты сейчас ответишь на мои вопросы, – сказал я. – Потом я тебя отпущу, и ты убежишь отсюда вприпрыжку. Спрячешься так, чтобы тебя долго-долго искали. Хозяин не узнает, что ты меня видела. Тебя не накажут.

Страх в глазах девушки сменился надеждой. Затем пониманием.

– Всё ясно? – уточнил я.

Девушка с готовностью закивала.

– Пикнешь – шею сверну, – предупредил я. И убрал руку.

Закричать девушка не пыталась. Молодец, сообразительная.

– Где хозяин?

– Там… В бильярдной, – девушка указала себе за спину.

– Кто с ним?

– Как всегда. Колька да Сенька. То есть, – исправилась девушка, – Николай Власьич и Семен Митрофаныч.

– От троих столько шума? – усомнился я.

– Дак, там прихвостни ихние, да цыгане ещё. Николай Власьича аменины празднуют. Вторые сутки гуляют, удержу на них нет! Господи, спаси и сохрани, – девушка перекрестилась.

– Это ж сколько всего-то народу?

Девушка задумалась. Подняла глаза к потолку, принялась загибать пальцы. Я в это время с удовольствием рассматривал её стройные ноги и глубокое декольте.

– Ежели вместе с цыганами, то десяток, да ещё двое.

– Двенадцать, – кивнул я. – Хорошее число. Всё, беги.

Девушка устремилась к лестнице, но вдруг остановилась. Осторожно окликнула:

– Барин!

Я вопросительно обернулся.

– А это у вас нарочно такой костюм и голова, чтоб на Фантомаса из кинофильмы было похоже?

Гхм. Ну, спасибо, Костя! Удружил. Разгуливать по логову врага в маскарадном костюме мне ещё не доводилось.

– Нарочно. Беги, кому сказал!

Девушка припустила вниз по лестнице. А я дошёл до бильярдной. Гадать, где она находится, не пришлось – двери были распахнуты настежь.

Часть помещения действительно занимал бильярдный стол. Не знаю, использовался ли он по назначению в другое время. Сейчас на нём, развевая пёстрые юбки, лихо отплясывали две цыганки. В помещении висел такой густой табачный дым, что хоть ножом режь. Звенели гитары.

На длинном диване у стены развалились в довольных позах три плюс-минус одинаковых типа, в сбитых на сторону жилетах поверх шёлковых рубах. Это, видимо, сам Федот и Колька с Сенькой. То есть, Николай Власьич и Семен Митрофаныч. В углу, пристроившись возле круглого столика на высокой ножке, дулись в карты еще два персонажа.

Новое действующее лицо, появившееся в дверях, не заметил никто, кроме цыганок. Одна из них прекратила плясать и пронзительно завизжала.

Я выстрелил из карабина в потолок. Пока с потолка оседала пыль, перезарядил. Повернулся к цыганам.

– С вами расплатились?

Чернобородый мужик в красной рубахе, перехватив гитару за гриф, осторожно кивнул.

– В таком случае, освободите сцену для следующего номера. – Я подошёл к столу, протянул цыганкам руки.

Девушки попались не из робких. Грациозно опершись, спрыгнули со стола. Одна из них мне ещё и подмигнуть успела.

– Ты кто такой?! – очнулся тип, сидящий на диване посредине.

Я решил, что это и есть Федот. Посоветовал цыганкам:

– Шустрее, барышни.

Уговаривать не пришлось, девушки побежали к двери. А на меня бросились двое, сидевшие за угловым столиком.

Мелькнула мысль – не те ли это орлы, что были на дороге?.. Нет, те не могли так быстро очухаться. Просто повадки схожи, тоже сразу к ножам потянулись.

Я перехватил карабин так, чтобы сподручней было бить прикладом. Второй удобный шанс перезарядить оружие мне вряд ли предоставят, а выстрел ещё пригодится.

Я быстро сместился в сторону и вперёд – так, чтобы оказаться за спинами у парней. Одного успел огреть прикладом по затылку раньше, чем он развернулся. Парень упал. Второй взревел и бросился на меня. Ударом по кисти я выбил у него нож.

– Стреляй, Митька, – заорал Федот. – Револьвер тебе на что?!

Парень, лицо которого перекосило от боли, потянулся к висящей на поясе кобуре. Застёгнутой. Нда, с бойцовскими навыками телохранителей Федоту ещё работать и работать. А выстрел прогрохотал со стороны дивана. Кто-то из троицы тоже был вооружён.

Обернувшись, я увидел, что мужик, оказавшийся дальше всех от меня, держит револьвер.

Я выстрелил раньше. Оборачиваясь, уже вскинул и прижал к плечу карабин. Мужика с револьвером швырнуло на диван. Я оценил расстояние до него и выроненного оружия.

Нет. Перезарядить карабин – быстрее. Я схватил круглый столик за ножку и швырнул его в Митьку – который почти справился с кобурой.

Столик был сработан из красивого зелёного камня с разводами. От удара о пол он раскололся, но Митьке перед этим прилетело вполне увесисто. Я выиграл несколько секунд на перезарядку.

Когда воющий от боли Митька, по разбитому лицу которого текла кровь, выпрямился и попытался прицелиться в меня, я выстрелил первым. И едва успел броситься на пол – обронённый револьвер поднял кто-то из тех двоих, что остались сидеть на диване.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.